

АЛЕКСАНДР КОЙФМАН

ПОИСКИ В ПУТИ

Александр Койфман

Поиски в пути

ООО "Свиньин и сыновья"

2020

УДК 82-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Койфман А. А.

Поиски в пути / А. А. Койфман — ООО "Свиньин и сыновья",
2020

ISBN 978-5-98502-219-3

«Поиски в пути» – книга, состоящая из трех отдельных произведений, которые объединены такими разными, но в чем-то сходными поисками главных героев... Героиня повести под названием «Неизбежность?» – женщина, полностью обеспеченная завещанием бывшего мужа. Призвание она находит в любви к молодому художнику. Но в сорок пять лет убеждает себя, что их расставание неизбежно. И возвращается к давней мечте – пишет книгу, книгу о своей судьбе. «Если любишь – отпусти» – история о попытке молодой израильянки найти свое место в заманчивой, блестящей парижской жизни. Ради этого она отрекается от любви к сверстнику. Он же на протяжении многих лет упорно работает и добивается социального успеха, но безуспешно старается доказать себе, что их любовь – дело давно минувших дней. Третья повесть – «Ищите, да обрящете» – рассказ уже немолодого мужчины, который после выхода на пенсию обращается к своему прошлому, чтобы найти в нем хоть что-то, от чего его жизнь вновь бы обрела смысл...

УДК 82-31

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98502-219-3

© Койфман А. А., 2020

© ООО "Свиньин и сыновья", 2020

Содержание

Неизбежность	6
От автора	7
Вступление	8
Часть I	10
Глава 1	10
Глава 2	15
Глава 3	20
Глава 4	26
Глава 5	31
Глава 6	37
Глава 7	43
Глава 8	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Александр Койфман

Поиски в пути

В оформлении обложки использована картина Sefedin Stafa «Fedio Eimi»

© Койфман А. А., 2020

© Sefedin Stafa, 2020

© Оформление. ООО «Свиньин и сыновья», 2020

* * *

Неизбежность

От автора

Когда я написал первый вариант этой повести, две мои постоянные читательницы резко критиковали ее. Им не нравилась героиня, не нравилась в принципе возможность близких отношений пары, в которой женщина значительно старше мужчины. Их замечания как будто говорили: «Как так? Мужчина должен быть хоть немного старше своей спутницы».

Почему?! Почему не может быть наоборот, если им двоим хорошо вместе. Есть известные примеры. Агата Кристи в возрасте сорока лет вышла замуж за двадцатилетнего археолога Макса Мэллоуна. И они прожили вместе сорок один год. Не буду упоминать президента Франции Макрона и его прелестную супругу. Есть и не очень удачные судьбы – тридцатисемилетняя Неелова и двадцатидвухлетний Каспаров не смогли удержаться вместе больше двух лет. Но там большая вина мамы Каспарова. Да и среди моих знакомых и их друзей имеются такие примеры. Почему женщина должна стесняться своего молодого друга? Были и замечания от третьей читательницы, с которыми пришлось согласиться. Надеюсь, что новый вариант представленной читателю повести, немного объяснит этот относительно новый феномен, новый тренд.

Все имена и фамилии действующих лиц изменены. За случайное совпадение фамилий с реальными лицами автор не несет ответственности.

Вступление

18.07.18, среда. Лимере.

Наверное, это случайность, но вечером, когда переделала все домашние дела, села в кабинете за столик у книжных полок и хотела найти что-нибудь давно нечитанное, на глаза попала моя толстая тетрадь-дневник, в которую я заносила когда-то все события дня, свои мысли, переживания. Впрочем, когда-то – это не совсем верно. Ведь последний раз я обращалась к дневнику всего лишь года полтора назад. Взгляд скользнул дальше, продолжая поиски забытого, и сразу же вернулся назад.

Лениво взяла тетрадь в руки, открыла последнюю исписанную страницу. Да, последняя запись сделана 3 января 2017 года. Проглядела несколько строк. Ерунда, впечатления о праздничном столе. Ленивые, скучные впечатления о скучном походе втроем в ресторан, где мы отметили наступивший Новый год. Это было в Бельгии, в скучнейшем городке Генте. Мы тогда здорово поддали, делали вид, что нам весело. Мы – это я, Анна из Англии, всегда забываю, как называется ее деревушка, где она теперь мучается, и Мари из Питера. Почему мы попали в декабре в Гент – не помню. Кажется, это Анна, когда устроили видеоконференцию, предложила уехать на Новый год в глушь. Я еще посмеялась тогда: «В тайгу что ли?» А Мари парировала: «Холодно в тайге сейчас. Лучше в Европу закатить». Тогда и решили, что Гент самая подходящая глушь. Наверное, были неправы, на Рейне можно найти более глухие места. Но думать, выбирать было лень, так и решили.

Заглянула в начало. Сморщилась – дневник открывается записью от 17 июля 2012 года. Много самобичевания.

Да, помню, я тогда, после разрыва с Игорем, укатила из Рима к себе во Францию, злая на себя как черт. На то, что не могу выбросить его из головы, из жизни. Надеялась, что у своих виноградников остыну, забуду его наконец. Зачем мне портить ему жизнь, зачем навязывать свое присутствие? Закрыла тетрадь, закрыла глаза, вспоминаю. Не вышло тогда забыть, даже дернулась однажды позвонить ему, но остановилась. А потом, в октябре, укатили с Анной и Мари в Ниццу, хорошо отдохнули, но все испортила дурацкая история с Тадеушем. Бр-р-р, как вспомню, так вздрогну, неприятно ощущать себя полной дурой. Но что было, то было.

Не захотела вспоминать, начала искать предыдущую тетрадь. Тетрадь нашлась, засунула я ее между томами Фейхтвангера. Почему и когда – не помню. Открыла, полистала, вчитываясь в некоторые строки... Наткнулась на слова о том, как в Париже перед отъездом в Израиль порвала и выбросила в мусорное ведро стихи, неоконченные рассказ и пьесу, записки о Мюссе, мои эскизы костюмов к пьесе. Все, что накопилось за несколько лет шатания от одной идеи к другой. Тогда все это показалось мне неестественным, надуманным. Но и не могло у меня быть иной реакции на эти попытки творчества – слишком резкий предстоял переход от обеспеченной жизни к неизвестности.

Закрыла тетрадь, задумалась. О чем? О своей несуразной жизни. О том, что не сделала ничего из того, о чем мечтала в школе и университетах. О ненаписанной книге, о забытом уже замысле исследовать творчество Мюссе и найти прототипы возлюбленных его главного героя. Тогда, в Париже, я пыталась писать, не имея никакого жизненного опыта, опираясь только на мнения и мысли, почерпнутые из множества прочитанных книг. А теперь? Теперь, когда судьба достаточно поиграла мною, есть ли у меня опыт, есть ли у меня что-то, что следует сказать другим? Ведь вот, передо мной материал реальной жизни. Это не выдумки праздной девицы, молодой заботливо оберегаемой мужем мамыши. Но будет ли моя жизнь интересна кому-то? Что я скажу нового, описывая свои блуждания? Не покажется ли моя так безрадостно завершившаяся любовь к молодому художнику очередной прихотью обеспеченной женщины

не первой молодости? Не знаю, но буду пытаться. Пытаться, даже если это останется только книгой в одном экземпляре, только для меня. Ничего не изменю в записях дневника, но попытаюсь осмысливать, почему я писала именно так. И буду сразу переносить все в компьютер. Кстати, нужно бы и в Париже установить комп, не таскать же его с собой.

Часть I Я

Глава 1

18.07.18. Лимере.

Так как я пишу в основном о себе, то, наверное, нужно представиться. Мне сорок пять лет, вдова уже девять лет. Неяркая шатенка, никогда не пыталась перекраситься в блондинку или брюнетку. Чуть выше среднего роста. Да, забыла – шестьдесят два килограмма. Все мои попытки вернуться к прежним, естественным шестидесяти килограммам пока безуспешны, к сожалению.

Я записи начала делать в двухтысячном, когда уехала от Франсуа. Было плохое настроение, тяжело переживала неустроенность жизни в Израиле. Ведь дура была, не желала ничего принимать от Франсуа, хотя он искренне хотел помочь мне. Почему-то считал себя виноватым, хотя винить во всем надо было меня, надеялся, что вернусь к нему. Тогда, в двухтысячном, хотела самостоятельно пробиться в жизни, хотя и не представляла, что и как для этого нужно делать. Первый год был кошмарный. В Израиле одновременно оказались десятки тысяч таких, как я: из больших городов, с высшим или неоконченным высшим образованием, из хороших семей, с большими претензиями к жизни, так как мнили себя особенными. Но реально мы не обладали востребованными в Израиле профессиями: филологи без знания иврита, искусствоведы, музыканты. Тогда даже инженеры не могли найти работу по специальности. Что уж говорить о таких, как я. Девушки и женщины из маленьких городков Украины и Белоруссии легче адаптировались – сразу искали места продавщиц, шли мыть полы, ухаживать за стариками.

Мне, репатриировавшейся из Франции, пришлось не сладко, ведь там я не работала ни дня. Муж – профессор Сорбонны из обеспеченной семьи – имел высокооплачиваемую работу, квартиру в Париже, дом и приносивший приличный доход виноградник на Луаре. Он не хотел, чтобы я работала, а мне это казалось естественным.

Открыла первую страницу дневника – какие-то банальности, жалобы на соседей марокканцев, подсчеты денег. Полистала дальше – ведь самой понятно, что ишу. Вот оно...

25.07.08, пятница. Тель-Авив.

Смешное приключение. Валяли вечером на пляже дурака с Аней, познакомились с двумя молоденькими солдатами. От скуки что ли? Нужно быть серьезнее.

18.07.18. Лимере.

И все. Так мало о том, что позднее изменило всю мою жизнь. Заложил в тетрадь карандаш, отложила ее, сижу, вспоминаю.

Долго из своего ателье уговаривала по телефону Аню поехать вечером на пляж. А она уверяла, что хочет вечером что-нибудь посмотреть в окрестностях. Как будто есть еще что-то, что она не видела этим летом. Ведь провела в Израиле уже две недели. Уболтала, вечером заехала за ней к себе домой, заодно переоделась, добрались до пляжа, отошли в сторонку от большой семьи марокканцев, расположились, трепались о чем-то несущественном. Народ постепенно расходился, когда неподалеку бросили свои мешки два солдата. По-другому я и не могла их мысленно назвать, они были всего лишь лет на шесть-семь старше моего Пьера. Они сначала немного дурачились, возились на песке, потом начали тихо говорить о чем-то. До нас доносились обрывки их слов, но мы и не прислушивались, болтали о своем. Я в очередной

раз стала укорять Аню, что ей пора найти настоящего мужика, выйти замуж. Она отбивалась, мол, где его найти, настоящего. Я говорила, что, если сидеть в своем Эдинбурге в бабском коллективе кафедры, а вечерами отсиживаться дома, ничего не найдешь. Тут она взвилась:

– А ты нашла кого-нибудь после твоего Франсуа?

– Сравнила... Я тебя старше на два года, побывала замужем. Сын есть, хоть и почти не вижу его. Все исполнила, с меня взятки гладки. Да и не всегда я одна, были у меня мужчины.

– Если ты про того бизнесмена, как его зовут... Йося? Да, Йося, так ничего же у тебя с ним не получилось. А зря, солидный мужичок, судя по твоим описаниям. Не смогла удержать?

– Неправда. Я сама с ним рассталась. Да, солидный, преуспевающий. Но до чего же скучный! Все про свои сделки долдонил. Да еще врал, что жена больная, что он с ней не живет. А пойти со мной куда-нибудь боялся. Пытался подарками отделаться. Как будто они мне нужны... Я его быстро раскусила, показала на дверь. Да я ж тебе писала...

– И все? Слабо, подружка. Так ты на старости лет тоже одна куковать будешь.

– Аня, некогда мне мужиками заниматься, в ателье дел невпроворот. Я же все эскизы рисую. Девочки только выкройки по ним делают и шьют. А если захочу – любого мужика захомотаю. Но зачем мне лишние заботы?

– Рисуешься? Любого мужика... Вон, смотри, видишь рядом эту парочку? Давай, познакомься... – И расхохоталась. Так громко, что солдатики оглянулись на нас.

Я тоже посмотрела на них. Без формы они стали похожи на вытянувшихся подростков. Хотя, может быть, я и не права – бицепсы у обоих в порядке.

– Ты что, в своем уме? Это же дети еще.

– Но ты же сказала, что любого мужика...

– Мужика, а не ребенка.

– Где ты видишь ребят? Скажи, что сдрейфила. Болтушка. Давай на бутылку настоящего шампанского поспорим, что не сможешь очаровать.

И опять рассмеялась. Солдатики снова посмотрели на нас, уже внимательнее. Я разозлилась, будет она еще надо мной смеяться.

– Захотела бы, познакомилась. Тоже мне – проблема. Очаровывать не собираюсь, а познакомиться – нет проблем. Хорошо, спорим на бутылку.

– Иди, знакомься!

Встала, независимо направилась к воде. Но чуть наискосок, чтобы видеть краем глаза, смотрят ли на меня солдатики. Смотрели. Зашла в воду, поплескалась, специально втянула живот, повернулась боком показать бюст, окунулась и поплыла, сильно расплескивая воду, вроде почти не умею плавать. Место это хорошо знаю, чуть дальше от берега имеются небольшие ямки. Подплыла к ним, сделала вид, что пытаюсь стать на дно и проваливаюсь. Выскочила на поверхность, замолотила руками по воде, погрузилась снова и вновь на поверхности имитирую неуверенность и страх. Громко ойкнула – кричать «помогите» не хочется, это уж слишком. Мельком взглянула на берег – вижу, что один из солдат бежит по воде – бросился спасать меня. Еще раз окунулась с головой. А он уже рядом, подхватывает меня, то есть схватил за волосы и тащит от ямки. Наверное, его так учили в армии спасать тонущих. Ладно, волосы у меня крепкие, выдержу. Но как только он «вытащил» меня из ямки, стала на ноги. Развернулась к нему, так что он отпустил мои волосы, гляжу на него испуганными глазами. Или мне так кажется, что умудрилась имитировать испуганные глаза. А он так участливо говорит:

– Не бойтесь, все уже в порядке.

Я только моргаю глазами, вроде не отошла еще. Потом вымолвила:

– Спасибо, я ужасно испугалась.

Ведь сразу поняла, что он русскоязычный, хотя он сказал на иврите. Из воды двинулись вместе. Но на берегу он отошел к привставшему с песка приятелю. Я тоже плюхнулась рядом с

Аней. А она улыбается, большим пальцем показывает вниз – мол, проиграла, ничего не получилось... Я потихоньку показала ей кулак, встала, подошла к солдатам:

– Еще раз спасибо за спасение.

Имитирую умильную улыбку. А тот, который меня «спасал», встал, озабоченно спрашивает:

– Можно будет узнать, как Вы себя чувствуете? Иногда последствия сказываются только в следующие дни.

Я не маленькая – рост метр шестьдесят девять. Но он выше меня на целую голову. Хорошо растут здесь мальчики на южных хлебах. Гляжу на его загорелый торс...

– Нет, нет. Все нормально. Незачем вам беспокоиться...

А Аня приподнялась, подсказывает:

– Лизу легко найти на Бограшева, в ателье, если будете волноваться.

Солдатик посмотрел на нее:

– Спасибо, найду.

Все, вроде, событие исчерпано. Возвратилась к Ане. Полежали еще немного, я заявила, что хочу ужинать, и мы ушли, не оглядываясь на солдат, которые тоже начали собираться. Ужинали у меня дома – Аня всегда останавливается у меня, когда приезжает в Израиль. Мы с ней подружались еще в университете, в Питере. Она была на курс младше, но ходила на тот же семинар по французской литературе, что и я. Мне отчим оплатил год учебы в Париже, там я и познакомилась с Франсуа. Иногда созванивались с Аней. А потом она выбралась в Англию, вернее в Шотландию, да так и застряла в Эдинбурге – преподает в колледже. Мы встретились вновь, когда я с Франсуа отдыхала в Шотландии. Пьеру тогда было три года, остался с няней в Париже. Переписывались, а когда я купила свое ателье и сняла приличную квартиру, она стала приезжать ко мне почти каждый год на недельку-две.

Следующие три записи не стала читать, не интересно, но четвертую прочитала два раза.

01.08.08, пятница. Тель-Авив.

Уже закрывала ателье, когда вошел солдат с вещевым мешком и автоматом. Или ружьем? Не разбираюсь. Посмотрела на него и чуть ли не расхохоталась. Лицо напряженное, хмурое, переминается с ног на ноги. Это же мой «спаситель»! Молчит.

– Здравствуйте, еще раз спасибо. Вы тогда не представились.

– Игорь. Игорь меня зовут.

– Здравствуйте, Игорь. Как Вы меня нашли? Да проходите, не стойте в дверях. Меня зовут Елизавета Дюкре.

Прошел и стоит.

– Положите ваш мешок и оружие. Никто их не возьмет, – указала на свободный стол.

Помялся, положил мешок не на стол, а рядом с ним. Оружие прислонил к нему. Потом пригласила к себе. Накормила. А утром отправила домой.

18.07.18. Лимере.

Слишком коротко тогда записала, очень сухо. А ведь было немного смешно и очень странно. Нет, не подумайте, ничего между нами не было и не могло быть. Но помню уж слишком детально. Возможно, потому, что позднее вспоминала все много раз. А разговор был простой:

– Вы только что с базы? Далеко она?

– Да, с базы. Она южнее Беер-Шевы. Я прошел по Бограшева, как сказала Ваша подруга. Увидел Вас в окне.

– Понятно. Вы, наверное, проголодались? Приглашаю Вас поужинать. Тут рядом нормальное кафе имеется.

– Да нет, я не голоден.

– Не верю, даже если обедали на базе, прошло много времени. Не возражайте, Вы же мой спаситель. Я не хочу быть неблагодарной.

А сама внутренне улыбаюсь, непонятно чему. И довольна, что зашла днем в соседний салон, привела голову в порядок.

– Я сейчас закрою все, мешок и оружие можете оставить здесь. Никто его не возьмет.

– Нет, оружие я не могу оставить.

Посмотрела на него. Может быть, ему некуда пойти, если он в ателье заявился с оружием и мешком.

– Игорь, вы в Тель-Авиве живете?

– Нет, в кибуце. Здесь слишком дорого.

Все понятно. Ехать неизвестно куда, потом не смог бы до вечера вернуться в Тель-Авив, а завтра шабат. Сама немного даже горда. Все-таки выиграю спор с Аней. А она-то мне звонила из Эдинбурга, смеялась, что с меня шампанское.

– Тогда пойдемте ко мне. Я тут недалеко живу. Найду, чем накормить.

Вижу, что он в растерянности. Наверное, сам не понимает, зачем меня искал. Нужно его успокоить.

– Заодно вещи ваши постираете у меня. Не беспокойтесь, у меня вы никому не помешаете.

Вижу, что он колеблется, нужно командовать:

– Все, забирайте ваши вещи, пойдемте.

По дороге зашла в магазинчик у моего дома. Знакомая продавщица приветливо сказала, на иврите, конечно, с марокканским акцентом:

– Племяш из армии пришел? Худенький, подкормить нужно.

Она же знает, что сын мой значительно младше. Я в ответ только улыбнулась – кто его знает, понял ли Игорь. По его лицу сейчас ничего не заметно. Возможно, еще не пришел в себя. Набрала, что нужно, ведь дома запасы не рассчитаны на мужчину.

Дома продолжила командовать:

– Ванна там, примите хотя бы душ, но сначала выньте все, что нужно стирать. Я положу в машину.

Испуганно взглянул на меня, хотел что-то сказать и промолчал. Начал вынимать из мешка одежду. А я ушла на кухню, чтобы дать ему прийти в себя. Не знаю, что он подумал, но молча принес мне все, что нужно постирать, и пошел в ванную. Заправила стиральную машину. Готовлю на кухне ужин, а сама не пойму, что же я делаю. Отправить его после ужина домой – нельзя, белье еще не скоро высохнет. Ждать, когда все просохнет – как он потом доберется домой. Оставить ночевать – невесть что подумает. Ладно, потом разберусь. Разобралась, после ужина отвела его во вторую спальню, постелила постель и тоном учительницы заявила:

– Отдохнете здесь. Компьютер в салоне, там же телевизор. Если что нужно, позовите – я у себя. Устала, посмотрю свой сериал.

Он так и не побеспокоил меня, смотрел фильм, ходил по салону. А потом я выключила свет и заснула.

Утром сложила аккуратно его вещички, покормила и отправила домой, в кибуц.

Следующая запись была через неделю, возможно, всю неделю не было ничего интересного. И опять касалась Игоря.

08.08.08, пятница. Тель-Авив.

День был тяжелый, много заказов. Да еще вызванный электрик приходил чинить мазган. К вечеру устала, но когда девочки стали уходить, задумалась. Не спешу закрывать ателье. Сама над собой посмеиваюсь: «Чего, дура, ждешь? Не придет мальчишка. Да и зачем он тебе нужен?» Совсем уж собралась уходить, когда дверь открылась, на пороге запыхавшийся Игорь, смотрит на меня, молчит.

– Отпустили? Голодный, небось?

Он молчит.

– Ладно, пойдем ко мне. Переоденешься и сходим поужинать.

Так вот, незаметно перешла на «ты». Дома передела его, сходили поужинать и немного погуляли. На этот раз он меньше стеснялся, рассказал кое-что о себе. Вечером, перед сном, написала Ане, что бутылку все-таки выиграла я, а не она – с Игорем мы познакомились. На ее глупости реагировала резко.

18.07.18. Лимере.

И все. Больше ничего не записала. А было много разговоров. Но все по порядку.

Я как предчувствовала, за неделю собрала кое-что в ателье, что не пошло в дело, из мужской одежды. Наверное, ожидала, что Игорь явится. Я ведь поняла, не спрашивая у него, что он одинок в Израиле, хотя не знала тогда, как он репатрировался. Он немного сопротивлялся, говорил, что гражданская одежда у него в мешке, но я настояла на своем. Ужинали в кафе недалеко от моего дома. Потом повела его по Бен Егуда и Алленби до улицы Шенкин. На обратном пути зашли в кафешку на углу Алленби и Кинг Джордж. Выпили по кружке пива.

И почти всю дорогу Игорь рассказывал. Рассказывал о службе, о том, как и почему приехал из Омска в Израиль, о своих приятелях во взводе. Мне оставалось только слушать и временами выражать междометиями свое одобрение. Не знаю, была ли это реакция на «испуганное» молчание предыдущей встречи, или попытка рассказать о себе то, что не интересует приятелей во взводе, или просто желание выговориться. Я запомнила из всего этого только слова о его занятиях в Омске живописью. Сначала в кружке при Доме пионеров, потом в студии при заводе, на котором работала его мать.

Дома сразу указала ему на его спальню, ушла к себе. Вот тогда-то и написала Ане. Она сразу ответила:

– Ну и что, переспала с ним? Как он?

– Дура ты, Аня! О чем треплешься! Он же еще совсем молоденький. И спор был только на то, чтобы познакомиться.

– Молоденький... ну и что? Я же видела, он в полном порядке, здоровье из него так и прет. Не глупи. Не строй из себя «мамочку». Пользуйся случаем. Жизнь такая короткая, особенно у нас, женщин. Тебе ведь не восемнадцать.

– Прекрати, не хочу обсуждать.

И выключила компьютер. Выключила, погасила свет, а перед глазами Игорь, как он стоял передо мной на пляже.

Совсем неприличное видение. Рассердилась на себя, повернулась на другой бок, начала считать баранов, чтобы уснуть.

Вот и сейчас, когда держу в руках дневник, возник перед глазами Игорь, стоит, смотрит на меня, как тогда, на пляже. Наваждение, глупости. Хорошо хоть, что не постельная картинка. Ведь мне уже сорок пять. Другие в этом возрасте – бабушки, а мне такое перед глазами видится. Нет, теперь он совсем другой. Не знаю, лучше или нет, но другой: уверенный, знающий, что он хочет. А я, я знаю, что хочу? Ну, если исключить желание быть моложе хоть на десяток лет и килограмма на два-три легче. Но вернуться в 2009 год? Быть снова с Игорем, следить за его первыми шагами в живописи? Глупости. Прошлое не вернуть. И не нужно, нужно жить нынеш-

ней жизнью. Вот дождусь женитьбы Пьера, появятся у него дети, буду возиться с ними в доме на Луаре. Зря, что ли, вложила в свое время столько энергии и денег в его благоустройство?

Тогда, в декабре 2009 года, после неожиданной смерти Франсуа, меня вызвал во Францию его адвокат мэтр Вилар. Оказывается, Франсуа оставил своими наследниками Пьера и меня. Нет, какие-то деньги он оставил и родственникам первой жены – детей у них не было. Но квартиру в Париже он завещал мне, а пенсионные деньги, виноградник с небольшим винным производством и домом в Лимере – нам с четырнадцатилетним Пьером в равных долях, оставив меня его опекуном. Были еще и ценные бумаги, часть из них пришлось продать, чтобы выплатить налоги, но остаток должен был приносить мне не менее пятнадцати тысяч евро в год. Да виноградник приносил нам тысяч семьдесят. Родственники первой жены не опротестовывали завещание, поэтому к середине 2010 года я превратилась в состоятельную вдову.

Франсуа... Не ожидала от него такого поступка, знала, что он долго надеялся на мое возвращение, но я же никак не подавала повода для такой надежды. Сразу же отказалась от его помощи, когда репатрировалась в Израиль. Но мэтр Вилар не был удивлен. По его пониманию, мы оставались мужем и женой, месье и мадам Дюкре, так как я не предприняла никаких шагов к разводу, а Франсуа, как все католики, был категорически против развода. И мне, как жене, полагалась серьезная часть его имущества. В отличие от двухтысячного года, не отказалась от денег Франсуа. Но сразу появились две проблемы. Где жить, в Израиле или во Франции. И что теперь будет с моими отношениями с Игорем, как он воспримет эти изменения.

Разве это проблемы были? Проблема сейчас. Проблема – построить жизнь без Игоря. Отложила дневник, ушла в спальню. Завтра будет день, завтра, возможно, буду на все смотреть по-другому.

Глава 2

19.07.18. Лимере.

Летом я всегда живу на природе, в нашем с Пьером доме в Лимере, в долине Луары. Наш полуторазэтажный дом расположен на улице Нуаре, недалеко от центра деревни. Рядом с домом большой каменный сарай, в нем когда-то предки Франсуа держали сельскохозяйственные машины, когда у них были и кукурузные поля. Но потом все засадили виноградом. Сейчас там только два автомобиля: мой и Пьера. Винодельня и погреб на другой стороне улицы, ближний виноградник дальше за ними между двумя рошицами. А следующие – на склонах холмов. До ближайшего городка Амбуаза – десяток километров, до реки с полкилометра. До большого города Тура минут двадцать на машине.

Полное захолустье, сонная деревня, кроме периодов сбора винограда. Франсуа как-то жаловался мне, что совсем не занимается виноградником. В результате вино производится ординарное, дает около семидесяти тысяч евро в год чистого дохода. Ему этого вполне хватало, так как в университете он получал больше. Нам с Пьером тоже хватало. Но теперь, когда он окончил колледж, завел подругу и намерен года через два-три жениться, этого вряд ли будет достаточно. Поэтому он после колледжа всерьез занялся виноградником. Выкорчевал участок со старыми лозами, заменяет сорта. Бог его знает, что у него получится. Я уже давно не вмешиваюсь в его дела. Мне моих пятидесяти тысяч евро в год достаточно для содержания квартиры в Париже и редких поездок по Европе. А если потребуется для чего-то большее – можно продать часть ценных бумаг. Мэтр Вилар говорил, что моя доля в них стоит около двухсот пятидесяти тысяч евро.

День прошел в неторопливых каждодневных хлопотах. Привела себя в порядок, хоть никого не ожидаю, но мне ведь сорок пять, не так просто выглядеть прилично. Приготовила

обед – кухарку мы не держим, все делаем сами. Прибралась в доме. Я занимаюсь верхним этажом, полуподвалом – раньше это был нормальный первый этаж, но за двести лет дом врос в землю – занимается только Пьер. Там у него какие-то мастерские, я туда не захожу.

После обеда, убрав все на кухне, где мы с Пьером обедаем, если нет гостей, взяла дневник и устроилась в тени на веранде. Нашла очередные записи в дневнике. Оказывается, теперь писала только после встреч с Игорем.

Но записи скудные и об одном и том же: приехал, накормила, поведали друг другу события прошедшей недели, прогулялись по городу, если не жарко, или устроились читать книги. Игорь обнаружил у меня много книг по живописи и альбомов репродукций – читает и разглядывает взахлеб. То есть английские он читает, но во французских только рассматривает репродукции. Потом отправляю его спать в комнату, которую он уже обжил. В субботу ходим или ездим рано утром на пляж. Только 25 августа, когда мы вернулись из поездки на Кинерет, запись совершенно другая.

25.08.08, понедельник. Тель-Авив.

Даже не знаю, как писать. Ничем я не лучше моей Анечки. Наверное, теперь посмеивается после моего звонка, сообщения о моем «падении». Игорь получил в пятницу увольнительную на три дня. Не знаю за какие заслуги. Приехал, хвастается. А мне уже немного надоели эти вечерние прогулки по Тель-Авиву в пятницу, поездки на пляж в субботу. Хотелось что-то изменить, и я предложила съездить на Кинерет. Там и завершилась наша дружба с Игорем. Начинается совсем другая история.

19.07.18. Лимере.

Опять вспоминаю, отложив дневник. Не думаю, что планировала то, что произошло, но, может быть, я подспудно хотела именно этого, ведь начала принимать таблетки. Но все по порядку. Провизией я запаслась заранее, грешна, захватила и пару бутылок испанского красного вина, сняла по интернету рядом с озером циммер на два дня. Позвонила одной из девушек, работающих у меня, предупредила, что в воскресенье на работу не выйду. Выехали в тот же день, в пятницу. Кинерет где-то совсем рядом, но мы приехали очень поздно, не пошли на озеро. Игорь готовил крылышки а-ля-эш, я сидела, закутавшись в одеяло, на веранде домика. Днем было жарко, но с озера тянуло холодом и влагой. Поужинали, под аппетитные крылышки выпили по стакану вина. И... И мирно разошлись по своим кроватям.

Но ночью мне стало холодно, а может быть, просто обидно за свое одиночество. Встала, как сомнамбула, забралась к Игорю под одеяло. Не думаю, что он ожидал подобного, так как мирно спал в это время. Но когда я прижалась к нему – мгновенно проснулся. Проснулся, я заметила это, лежит без движения, не знает, что делать, или не решается ни на что. Пришлось обнять его, поцеловать затылок. И только тогда он развернулся ко мне, прижал к себе. А дальше... дальше, как обычно, и совсем не холодно. Ночью он будил меня еще два раза, но под утро спал как убитый.

А я встала, когда солнце еще не выползло из-за горизонта, перебралась на свою кровать, села, не обращая внимания на холод, обхватила голову руками. Что я наделала, стерва такая. Разрушила нашу странную дружбу, как я теперь буду смотреть ему в глаза? А в голове предательская мысль: «Что, я не заслуживаю хоть капельку тепла, прилива счастья, маленького бабского счастья хоть на время. Кому будет плохо? Почему я должна терзаться? Нужно будет утром смотреть Игорю в глаза не смущаясь, зачем еще и его заставлять чувствовать себя виноватым». Посидела, посидела, одела брюки, носки и свитер, укуталась в одеяло и уснула.

Утром меня разбудил Игорь:

– Вставайте, Лиза! Завтрак готов.

Он так и не научился говорить мне «ты», как положено в Израиле.

Продираю глаза – он показывает на стол. На столе кофе, нарезанные овощи и зелень, сыр и подогретые вчерашние крылышки. Не кошерно, но я ведь не соблюдаю кашрут. Вылезла из-под одеда – я же полностью одета, ушла умываться, приводить лицо в порядок. Нельзя Игорю показаться непричесанной, с мятой физиономией. За стол села с независимым видом, как будто это привычно – садиться за стол, сервированный мужчиной. Наливаю кофе, а в голове одна мысль, как начинать разговор, ведь от этого многое будет зависеть. Но начинать не пришлось. Игорь, обгладывая крылышко, предложил поехать в национальный парк Кфар Нахум. Это совсем рядом, ведь мы у Табхи. Оказывается, он в нем никогда не был. Я там все осмотрела пару лет назад: и еврейские древности, и церковь с хижиной святого Петра под стеклянным полом, но сразу же согласилась, ведь в субботу кроме национальных парков и пойти некуда. И удалось избежать совсем ненужных разговоров о ночном происшествии.

О парке Кфар Нахум рядом с Капернаумом рассказывать неинтересно, все там побывали. Но когда мы вернулись в циммер, я решительно заявила:

– Возвращаемся домой, пообедаем по дороге.

Игорь удивился, ведь могли пробыть в циммере до следующего дня и даже не сходили к озеру, но не стал возражать, молча собрал провизию и все, что мы привезли.

Приехали домой засветло, я ушла в свою спальню, сказав, что хочу отдохнуть, Игорь сел за комп, что-то ищет там. А я тяну время, не знаю, как вести себя дальше. И действительно уснула. После ужина, который я приготовила по-быстрому, вывела Игоря прогуляться по набережной. Когда вернулись с прогулки, жестко сказала сама себе, что вчерашнее не должно повториться, и отправила Игоря в его спальню. Но утром он пришел ко мне, и не было сил и желания сопротивляться. Да и зачем?

В воскресенье Игорь собрался отправиться на базу после обеда, решил на прощанье поцеловать меня. Странное, совсем забытое чувство, когда тебя целует молодой мужчина. Я обняла его, прижалась всем телом, не хотелось отпускать. Он осмелел, взял мою голову в руки, целует много, много раз все подряд: глаза, скулы, шею. Нет во мне никаких «материнских» чувств – это мой мужчина целует меня, это так приятно...

Анне я позвонила поздно вечером, созналась во всем, но только после ее многократных вопросов. Она немного посмьялась, но потом заявила:

– Не переживай, все путем. Если он нормальный парень – не станет о тебе плохо думать, а если дерьмо – выбросишь его сразу из головы и жизни. Главное, не мечтай о невозможном, меньше потом расстраиваться будешь.

Но потом снова откровенно расхохоталась:

– Не думала я, когда мы пари заключали, что мне придется бутылку ставить. Приеду – поставлю. Или ты приезжай к нам в Эдинбург.

– К кому, к вам? У тебя кто-то появился? Была бы рада за тебя.

– К сожалению – нет. Просто с удовольствием побродила бы с тобой по нашим горам.

20.07.18. Лимере.

Пьер весь день в винограднике, только обедать приходил.

Вечером, уставший, сразу же ушел к себе спать. А мне вечером нечего делать. Не хотела снова вынимать дневник, терзаться воспоминаниями. Но по телеку нет ничего интересного. Скучный комментатор пережевывает месячной давности говорильню на саммите в Канаде. Размышляет о его важности для развития экономики, охраны окружающей среды. На другом канале дискутируют о событиях на Украине. Как будто они меня интересуют... Не выдержала, все-таки открыла дневник.

28.08.08, четверг. Тель-Авив.

Завтра приедет со своей базы Игорь, что я ему скажу, что делать? Опять барахтаться с ним в постели? Или с гордым видом заявить, что мы ошиблись, нам не следует продолжать отношения? Или просто отправить его сразу в кибуц, заждались его там, вероятно. И сразу же мысль: «Может, у него там девушка, ждет его, а я задерживаю, пользуюсь его слабостью. Но зачем я ему? Мало, что ли, молоденьких девушек в Тель-Авиве? Почему он интересуется не слишком молодой женщиной? Сколько недель он будет вот так приезжать ко мне в свои выходные? А как я потом буду переживать расставание с ним? Может быть, стоит прекратить все сейчас, пока не слишком увязла в этом?» Вопросы, на которые никто еще не находил правильных ответов. Почему же я пытаюсь найти такой ответ? Да, он, безусловно, уйдет от меня... Через месяц или год. Скорее всего, когда завершится срок службы. Кстати, когда это будет? Ну и что? Зато у меня будет хоть несколько месяцев размышлений, переживаний, необходимости заботиться о ком-то. Ведь даже собиралась завести кота.

20.07.18. Лимере.

Запись оборвалась на этом. Но ведь я и сейчас не могу найти ответы на эти вопросы. Но следующая запись совсем с другим настроением.

29.08.08, пятница. Тель-Авив.

В ателье Игорь не появился. Я немного посмеялась над своими вчерашними размышлениями. Все просто. Я ему не нужна. Но оказалось, что он опоздал на автобус и добрался до Тель-Авива позже обычного. Пришел прямо ко мне домой. И я забыла все свои рассуждения, кормила, выстирала его белье. А потом, потом была дивная ночь.

20.07.18. Лимере.

Следующую запись не стала смотреть, отставила дневник в сторону, вспоминаю.

И сейчас прекрасно помню этот день. После обеда начала нервничать. Что же я ему скажу? Зачем мне все это? С другой стороны – я же смогу оборвать эти странные отношения в любой момент. Почему не разнообразить мою унылую жизнь? Ждала, сидела в ателье минут двадцать после окончания работы. А он не появился. Поняла, что не придет. Небось, на неделе хвастался перед друзьями, что закадрил и трахал симпатичную женщину. Вряд ли у него были раньше женщины моего возраста. Интересно, что он обо мне болтал? Ну и ладно. Меньше проблем, меньше надежд, меньше волнений. Пошла домой. На работу часто хожу пешком, дольше машину пытаться пристроить, чем идти, ведь ателье совсем рядом с домом. А минут через сорок звонок в дверь. Открываю, а там Игорь. Начал оправдываться, что задержали на базе, опоздал на автобус, добирался часть пути на попутках. Я не слушаю, затаскиваю в квартиру, обнимаю. К черту все сомнения, размышления. Вот он, рядом, он мой. Мой сейчас, а что будет дальше – жизнь покажет. Но быстро опомнилась, побежала на кухню снова готовить ужин. Когда пришла, успела поклевать что-то. Но это не важно, нужно кормить мужчину. Мужчину, проголодавшегося в пути ко мне, ко мне.

Да, заправила его белье в машину, кормила, долго выслушивала все его маленькие новости. А в голове созрела мысль: «Нельзя его отпускать, нужно, чтобы он жил здесь, чтобы возвращался с базы только сюда». Но это только завтра, завтра. Наконец белье выстирано, развешено, и он вопросительно глядит на меня. Конечно, его тянет ко мне, но он не знает, куда я его отправлю. Чудак, конечно, только в мою спальню. Я ведь тоже соскучилась по нему. И это так прекрасно, чувствовать себя желанной, желанной, как в молодости. А в сознании что-то подсказывает: «Как тогда, когда только познакомилась с Франсуа».

Но хватит воспоминаний, незачем себя беречь. Мне хорошо здесь, в тихом провинциальном уголке Франции.

22.07.18. Лимере.

Как ни странно, воскресенье довольно напряженный день. Пьер не работает, имею возможность не спеша поговорить с ним за завтраком. Вот и сейчас интересуюсь у него, звонила ли Жанна – его девушка. Они знакомы уже больше года, Пьеру хотелось бы жить вместе, но она учится в Страсбургском университете, на факультете медицины, а ему трудно покидать виноградник. Встречаются изредка, но летом-то занятий нет, могла бы приехать к нам. Прошлой зимой, когда в винограднике мало работы, Пьер целый месяц провел с Жанной в Страсбурге, но потом говорил, что было очень скучно сидеть в отеле, ждать, когда она вернется с занятий. А сейчас Жанна сначала поехала к родителям в Нормандию. Теперь мы с Пьером ждем ее здесь.

Потом пришлось вместе с Пьером идти в церковь. Он у меня, как и Франсуа, практикующий католик, не хочет пропускать воскресную мессу. Я вроде еврейка, но ради Пьера хожу иногда в его церковь. А после обеда к нам заглянули соседи, больше часа провели в беседах о видах на урожай, о демпинговой политике крупных фирм, сбивающих цены на вино. Да еще и латиноамериканцы пытаются пробиться на французский рынок со своим дерьмовым вином. Ну очень интересно для меня, но приходится все это выслушивать, поддакивая иногда. Потом занялась подготовкой к ужину. А после ужина, когда вымыта и прибрана посуда, время принадлежит исключительно мне. Не выдержала, снова раскрыла дневник. Записи стали значительно более развернутыми.

31.08.08, воскресенье. Тель-Авив.

Вчера после завтрака предложила Игорю переселиться ко мне. Предложила спокойно, а он только ответил: «Как?»

– Поедем к тебе в кибуц, заберем твои вещи.

Он недоуменно смотрит на меня.

– Что, ты не можешь? У тебя там кто-то есть?

– Нет никого, но это...

– Что, «это»? Тебе это неудобно?

– У меня там много хлама. И я привык там работать.

– Работать? Над чем ты работаешь? Ты же в армии.

– Я пытаюсь продолжать рисовать. Обычно, когда возвращался с базы, рисовал...

Пытался рисовать.

– Нет проблем. Будешь здесь пытаться. Поехали. Все, собирайся.

Я сидела в машине, пока Игорь объяснялся в какой-то конторе – не хотела смущать его. Но в его домик, похожий на каменный сарай, зашла – было любопытно. Что сказать? Обычный мужской беспорядок. Одежда, вместо того, чтобы висеть в шкафу, разбросана там и тут, в холодильнике только несколько банок пива, велосипед в прихожей, вместо того, чтобы быть в сарайчике, то есть в помещении с отдельным входом в том же домике. Я туда сунулась вместе с Игорем, когда он пошел забрать несколько своих набросков. Его работы? Это меня очень заинтересовало. Я не художник, но в школе рисовала тайком и во время учебы в Питере интересовалась всеми аспектами культуры Франции, в том числе и художественной культурой. А когда писала свою пьесу, нарисовала средневековые костюмы всех героев. Рисовала в карандаше и акварелью. В Израиле это очень помогло мне, когда начала делать эскизы одежды.

Увидела пачку бумажных листов на столике и такую же на отдельном ящике. Картин или хотя бы этюдов в рамках не обнаружила – Игорь сказал, что это дорого. Да и не заслуживают его попытки рамок. Подняла верхний лист из пачки на столе. А с него на меня глядит девушка или женщина. Выполнено в карандаше, но прорисовано основательно. Вгляделась и обомлела – ведь это я! На следующем листе опять я, идущая к воде. Взглянула на Игоря. Он засмутился, мол, это он малевал после встречи на пляже. Хотел отобрать у меня. Но я отвела его руку, вглядываюсь во второй рисунок. Честно говорю, никто меня не рисовал раньше. Здесь я, полу-

обернувшись, иду к воде. Да, волосы мои, бюст мой, вон он, торчит. Помню, я специально тогда так шла к воде. И улыбка... Я так улыбалась? Не помню. Положила лист в пачку – незачем смущать Игоря. Он взял всю пачку, вторую не стал брать. Отнес в машину. Потом собирал краски, карандаши, другие принадлежности. Но это я уже не видела, вышла из сарая.

Все вещи занес в квартиру ко мне, но не знал, куда положить. Пришлось мне продумать все. Рисовать предложила в салоне, на столе. Там из окна, если раскрыть занавеси, свет хорошо падает. А для причиндалов указала ящик в его спальне. Пообедали, немного поговорили. Потом я вывела его прогуляться. Самой немного смешно, будто собачонку вывела. На как иначе это назвать – он еще сам ничего не предлагает, приходится все за него решать. Потом ужин, а спать я Игоря отправила в его спальню, хотя он, вероятно, ожидал другого. Специально так сделала, хотя очень хотелось его обнять. В воскресенье разбудила пораньше, накормила и отправила на базу.

20.07.18. Лимере.

Прочитала и задумалась. Диктаторски тогда поступала, все решала за Игоря. А как иначе? Все-таки я была лет на пятнадцать старше его, и куда опытнее во всех делах. Странно, что он уже тогда не возмутился моим деспотизмом. Но я же не думала, что у нас будут длительные отношения, считала, что это просто невозможно, да и ни к чему. Потом вспомнила о карандашных набросках, вернее, второй можно было назвать этюдом. Тогда я тоже решила, что это довольно полно завершённый этюд? Как он схватил то мгновение, ведь я сразу же отвернулась, когда поняла, что на меня уже смотрят. И он перенес на лист мой взгляд. Для меня разработать в ателье эскиз – была работа, порой тяжелая. А тут такое мгновенное решение трудной задачи. Тогда я в первый раз подумала, что можно привлечь Игоря к работе в моем ателье. Уверена, деньги ему бы не помешали. Конечно, я могла давать ему необходимые небольшие деньги без всякой работы, но как бы он посмотрел на это? Впрочем, до практических шагов мы дошли позднее.

Глава 3

25.07.18. Лимере.

Несколько дней было не до дневника. Ездил в Париж, навела порядок в своей квартире, оплатила счета, купила и установила в кабинете комп. Франсуа работал с текстами по старинке, всегда писал любимой авторучкой, никогда не использовал компьютер. И я в девяностых не умела с ним обращаться. Походила по магазинам, ведь в нашей дыре, в Амбуазе, да и в Туре, ничего толкового для дамы средних лет не найти. Средних лет... Но это правда, ведь мне уже сорок пять... Кое-что к осеннему сезону нашла, но куда я буду выходить в новых нарядах? Только сегодня вернулась в Лимере и вечером открыла свой дневник. Проглядела несколько записей – совсем неинтересно. Просто пролистала весь сентябрь 2008 года. Но на следующей записи остановилась.

04.10.08, суббота. Тель-Авив.

Серьезно поговорили с Игорем. В субботу он теперь упорно занимается рисованием, до красок дело так и не дошло. Но сегодня он жаловался, что свет плохой, за столом неудобно работать, да и мешает, наверное, мне беспорядок, который он вносит в салоне. Пришлось ответить, что не очень мешает, так как я дома не работаю, но ему нужно бы для работы более хорошее помещение. И сделала «деловое», как я сказала, предложение. У нас имеются сложные заказы, которые трудно выполнить. Трудно, потому что заказчицы очень требовательные. Хотят за свои деньги, очень даже неплохие, получить что-то особенное, такое, которое не най-

дешь даже в самых модных магазинах Тель-Авива. А я разрываюсь между управлением ателье и эскизами. Если бы он взялся за проектирование эскизов, я освободилась бы частично для финансовых дел. Игорь смотрел на меня с недоумением, пытался отказаться, но я пообещала предоставить ему взамен помещение посвободнее для его творчества. И он вынужден был согласиться. Помещение у меня уже присмотрено – рядом с ателье закрылся маленький магазинчик, просто лавочка старичка, торговавшего «антиквариатом», как он называл свое старье. За аренду просили немного, я вполне могла бы списать аренду на затраты ателье. С завтрашнего дня всерьез займусь арендой.

25.07.18. Лимере.

Легко теперь сказать, что уговорила. Но ведь пришлось ему тогда объяснять всю технологию поиска идей для создания оригинальных моделей. Журналов мод в ателье достаточно, но они – прошлое, а нужно создавать будущее. Наши заказчики – жены богатых предпринимателей и дамы местного света (и особенно полусвета, если их можно так назвать) хотят иметь наряды «затмевающие» то, что показывается в Париже и Риме, но в то же время такие, которые можно надеть. Ничего «затмевающего» мы по определению не могли произвести, где уж нам, но старались. Ведь на заказах серенькой публики не проживешь, да и не заказывает такая публика ничего. Все покупает в универмагах или на распродажах коллекций прошлого сезона.

А в следующей записи упоминался результат.

14.10.08, вторник. Тель-Авив.

Кажется, начинает получаться. С помещением не было проблем. Я без Игоря перевезла все его причиндалы художника в новую мастерскую, как я теперь буду ее называть. Принесла туда же журналы мод – целую гору. Оформила его прием на работу на четверть ставки. Реально, на почасовую зарплату. И одиннадцатого октября он честно отработал свои первые в жизни восемь часов.

25.07.18. Лимере.

На самом деле мы провели большую часть из этих восьми часов вместе. Я показывала свои последние эскизы, рассказывала о пожеланиях особенно капризной дамы. Он сначала только слушал, временами переспрашивал. После обеда робко набросал что-то похожее на силуэт женщины в вечернем платье. Платье было своеобразным, но не имело ничего общего с последними изысками парижских мод. К тому же очертания женщины были совсем не совпадающие с тем, чем «владела» заказчица, о которой я ему рассказывала. Скорее, у нее были мои размеры. А может быть, мне так показалось. Попросила его еще раз нарисовать это же платье, но на женщине чуть крупнее. И более скрупулезно проработать детали отделки. Игорь поморщился, задумался и через полчаса, я уходила на это время в ателье, показал мне новый вариант. Меня смутило, что он убрал и те немногочисленные украшения в платье, которые были в первом варианте. Получилось что-то чрезмерно строгое. Но я похвалила – нельзя же ученика разочаровывать с самого начала. К тому же я вспомнила свой первый эскиз. И как его хвалила пожилая хозяйка ателье. По нему ничего не делали, хозяйка через год, смеясь, показала его мне – совсем никчемный. Наверное, она все-таки увидела что-то в нем, раз предложила работу. Кстати, заказчице, которая перед этим хотела пышное платье с множеством оборок, эскиз Игоря понравился. Она предложила сохранить его, может быть, к следующему сезону закажет подобное.

Думаю, из Игоря получился бы модельер, так как уже через месяц в работу пошел его очередной эскиз костюма для состоятельной заказчицы. А потом он стал выдавать вполне пригодные эскизы каждые пару недель. Если учесть, что он работал всего лишь по субботам, резуль-

тат приличный. Но в декабре случилось два события, резко повлиявшие на нас обоих. Я нашла свои короткие записи по ним.

18.12.08, четверг. Тель-Авив.

Позвонил Игорь, предупредил, что не приедет в пятницу, отменили все увольнения. Обидно, значит не сможем шабат провести вместе. Да и мне придется посидеть над эскизом, который собиралась переправить ему.

28.12.08, воскресенье. Тель-Авив.

Вчера ничего не писала, но сегодня разговоры только о непрерывных бомбежках Газы и обстрелах ракетами наших поселков на границе с Газой. Сообщения о раненых. Как там Игорь? Ведь его бригада, наверняка, будет в самом эпицентре боев.

29.12.08, понедельник. Тель-Авив.

От Игоря ничего. Я пыталась дозвониться к нему, телефон отключен. Наверное, не разрешают пользоваться. Господи, обереги моего любимого мальчишку. Прости меня, не переноси мои грехи на него.

25.07.18. Лимере.

Перечитала несколько раз. Оказывается, я уже тогда поняла, что Игорь не игрушка для меня, что я его люблю. Не знаю, какой любовью: материнской или женской, но он дорог был мне уже тогда. А ведь сначала посмеивалась над собой, считала наши отношения сексуальным приключением. Тягу к Игорю объясняла недостатком «добротного» секса и с Франсуа, и с Йосей. Нет, с Франсуа все было сначала хорошо, мы балдели друг от друга. Только потом, через пять лет возникло чувство, что любовь прошла, начались хмурые будни. Именно тогда я очертя голову бросилась в объятия чертового испанца, с которым нас познакомила в Шотландии Анна. Мне показалось тогда, что именно пылкий Родриго моя половинка, которую я жду в мечтах уже много лет. Дура была, слишком рано вышла замуж, не перебесилась, не была готова ценить спокойствие семейной жизни.

30.12.08, вторник. Тель-Авив.

Никаких известий от Игоря. Успокаивает, что воюет только авиация. О потерях в сухопутных войсках ничего не говорят. Когда же с этой нечистью покончат?!

03.01.09, суббота. Тель-Авив.

Вечером пришло сообщение, что сухопутные войска двинулись в Газу. С одной стороны – наконец-то, с другой стороны – как там Игорь? Ведь его бригаду первой бросят в огонь. Господи, за что нам такие муки?!

04.01.09, воскресенье. Тель-Авив.

Еще один удар. Позвонил Пьер, сообщил о смерти Франсуа. Говорил тихо, прерывающимся голосом, но не заплакал. Я спросила, когда похороны? Он ответил, что они уже состоялись. И замолчал. Потом всхлипнул, спросил:

– Мама, ты приедешь?

Мама, как давно я не слышала это слово.

– Да, приеду, очень скоро. Только завершу кое-что по работе. Не плачь, я приеду очень скоро. Я тебя люблю, очень люблю.

25.07.18. Лимере.

Полететь во Францию удалось не скоро. Сначала дождалась возвращения Игоря из Газы. Он приехал ко мне пятнадцатого января, когда в Газе еще шли ожесточенные бои. Но в дневнике я отметила это только шестнадцатого.

16.01.09, пятница. Тель-Авив.

Радость, другого сказать не могу. Вчера поздно вечером в дверь позвонили. Открыла и залилась слезами. То ли от радости, увидев Игоря, то ли оттого, что левая рука у него на перевязи. Правой рукой держит вещевой мешок, оружия не видно. Бросил мешок, обхватил меня свободной рукой, прижал мою голову к груди. Простояли так сколько-то секунд, я отстранилась, гляжу ему в глаза. Усталые, поблекшие, ничего не выражают. Затащила в квартиру, прихватив и мешок, снова обняла, опомнилась:

– Ты же есть хочешь, милый.

Накормила и уложила спать в его комнате.

25.07.18. Лимере.

Снова вспоминаю его приход. Он тогда получил отпуск по ранению. Ранение не слишком тяжелое, перевязали прямо в батальоне, отправили в госпиталь, там через два дня отпустили домой. Он поехал не в кибуц, а ко мне. Теперь это был его дом. Ранение пустяковое, но отходил он от Газы еще неделю. Ничего не рассказывал мне, а я его и не спрашивала. Наверное, воспринимала его в эту неделю, как ребенка, большого обиженного жизнью ребенка. Только позднее, когда мы снова стали спать вместе, он скупо рассказал о том, что видел, что ощущал, когда пришлось очищать от террористов развалины. Раненые и убитые из засады товарищи по взводу, трупы террористов, раненые арабские дети, озлобленные женщины, не желающие уходить из развалин своих домов, хотя они напичканы оставленными террористами взрывными устройствами. И все это непрерывно больше недели. Я только старалась не плакать, слушая его.

Но вместе мы пробыли только до конца января. Опять обращаюсь к дневнику.

29.01.09, пятница. Тель-Авив.

Сегодня мне на работу позвонил адвокат Франсуа мэтр Вилар. Необходимо мое присутствие при вскрытии завещания. Он не объяснил, почему его так долго не вскрывали. Но он знает, что я числюсь среди наследников. Поэтому должна прибыть в Париж не позже второго февраля. Не поняла, почему я среди наследников, ведь он должен бы все оставить Пьеру. Но придется ехать. Как я объясню это Игорю?

25.07.18. Лимере.

Да, объяснила, сказала, что это только на неделю и сразу вернусь. Рука у него зажила быстро. Эти дни Игорь ходил на перевязки амбулаторно. Войска уже были выведены из Газы, и ему пора было вернуться в батальон. Он захотел было вернуться в кибуц, но я попросила возвращаться при увольнении в мою квартиру. Нехотя согласился. Все эти дни видела изменения в его поведении. Опасалась, что это связано со мной, но это был только результат ужасов войны. Даже неделя, если это неделя непрерывных ближних боев, оставляет слишком большое воздействие на психику, тем более на психику молодых парней.

26.07.18. Лимере.

Ничего за день не случилось, тихий летний день, вечером накормила Пьера, осталась одна и, как к наркотику, обратилась к дневнику.

03.02.09, вторник. Париж.

Вчера состоялось вскрытие завещания Франсуа. В основном он завещал все мне и Пьеру, родственникам первой его, умершей более двадцати лет назад жены, завещаны небольшие деньги и ее драгоценности, хранившиеся в Лимере все эти годы. А я и не знала о них. Я многое не знала, оказывается, Франсуа очень заботился о том, чтобы налоги были минимальны. Например, квартира в Париже на пятьдесят процентов принадлежала мне, поэтому налог платить нужно было только с половины ее стоимости, мне же принадлежала половина его вкладов в ценные бумаги. Программа для обеспечения образования Пьера облагалась минимальным налогом. Было предусмотрено много тонкостей для снижения налога на владение виноградником. И все равно налог, как сказал мне мэтр Вилар, будет значительный. Но на выплату его предоставляется отсрочка не менее шести месяцев, за которые можно без потерь продать часть ценных бумаг, – продать пришлось почти половину. Опекунство над Пьером автоматически предоставляется мне, как его матери. Мэтр Вилар объяснил, что, несмотря на налоги, мы с Пьером обеспечены, то есть наметнул на целесообразность отказаться от работы и целиком посвятить себя воспитанию Пьера. Мы с Пьером вернулись в свою, да, она опять моя, парижскую квартиру. Такое впечатление, что в ней ничего не изменилась за эти восемь лет. Потом был непростой разговор с Пьером.

26.07.18. Лимере.

Я хорошо помню этот разговор. Я уходила от Франсуа, когда Пьеру было пять лет. Естественно, просила Франсуа отдать мне Пьера. Но это был единственный случай, когда он отказал мне. Отказал жестко и безоговорочно: «Ты не сможешь в Израиле дать Пьеру то, что он имеет во Франции. Кроме того – он католик». Франсуа не запрещал мне общение с сыном, более того, на мой день рождения и на праздники звонил и передавал трубку Пьеру, чтобы тот поздравил мать. А с 2005 года, когда ему исполнилось десять лет, Пьер сам иногда звонил мне, делился своими нехитрыми новостями. Кажется, я оставалась для него матерью. Он недоумевал, почему мы живем порознь, но ни разу не упрекнул меня в этом. Франсуа так и не рассказал ему, что это я решилась на разрыв, на репатриацию в Израиль, когда создалась Франсуа, что изменяю ему. На самом деле, Франсуа догадывался обо всем, да и трудно было не догадаться, но терпел, надеясь, что мое «заблуждение», так он назвал это при нашем объяснении, пройдет, и я вернусь в семью. Возможно, если бы он рвал и метал, обзывал меня последними словами, которые я заслуживала, я бы смирилась, осталась с ним и Пьером. Но это «непротivление злу» возмутило меня тогда больше всего.

Когда Франсуа умер, Пьер учился в частном коллеже (не путайте с колледжами, это чисто французское наименование школы второго уровня). Последний год, в следующем году он должен был пойти в лицей, где получит степень бакалавра, необходимую для поступления в университет. Четырнадцать лет (ему исполнялось четырнадцать через две недели) – непростой возраст. В коллеже это старшеклассники, привыкшие чувствовать себя почти взрослыми, имеющие собственное мнение по любому вопросу. Пьер практически впервые встретил свою мать, не считая же встречами связь по интернету. Он был очень насторожен, пытался понять, что несет для него новая ситуация. Я старалась объяснить Пьеру, что почти ничего в его жизни не меняется. Он по-прежнему будет учиться в частной школе. Отец оставил ему программу для оплаты полного цикла образования, включая университет. Лето он будет проводить в Лимере, но, если захочет увидеть другие города и страны, я оплачу поездки. Буду стараться проводить летние каникулы вместе с ним в Лимере, но у меня собственная жизнь. Не знаю пока, вернусь ли во Францию, или останусь в Израиле. Но надеюсь, что мы теперь будем часто видеться.

Видела, что он колеблется, не знает, как называть меня, старалась прийти ему на помощь:

– Милый, я была и остаюсь твоей мамой, ты для меня самый дорогой. Я надеюсь, ты вырастешь, заведешь собственную семью, и я буду жить с вами.

– Мама, – решил, – у тебя сейчас другая семья?

– Нет, мой мальчик, у меня нет другой семьи, кроме тебя, но есть друг. Надеюсь познакомить вас. Он хороший человек.

Возможно, я немного исказила слова, забыла что-то из нашего разговора, но тональность была именно такой. И я рада, что удалось при первой встрече найти простые, понятные Пьеру слова.

Следующую запись я сделала уже в Лимере, куда поехала после Парижа.

07.02.09, суббота. Лимере.

Меня и Пьера еще не ввели в права наследования, но ситуация бесконфликтна, и в Лимере меня встретили благожелательно. Собственно, Мариус – фактически полностью распорядившийся виноградником и производством вина – великолепно помнит меня, ведь мы приезжали с Франсуа в Лимере каждое лето. Открыл мне дом, провел по винограднику, хотя смотреть там зимой нечего, завел в старинное подземное хранилище. Мне показалось, что там огромное количество бочек и бутылок. Мариус сказал, что продажи идут вяло, но он надеется к следующему урожаю немного освободить хранилище.

Я в этом ничего не понимаю, мне кажется, что и Франсуа ничего не смыслил в виноделии, предоставив Мариусу полную свободу действий. Сам он вино собственного производства не пил, предпочитая коньяк и более известные местные вина. Впрочем, он пил мало. А в делах производства вина его волновало только количество перечисляемых на наш счет денег. Наш счет – я так и осталась совладелицей счета, так что мэтр Вилар быстро договорился в банке, что счет переведут теперь только на меня.

26.07.18. Лимере.

Отложила дневник, вспоминаю. Правильно ли я тогда поступила? По существу, пустила все на самотек. С финансами разбирался мэтр Вилар, ему мы с Пьером доверили продажу ценных бумаг, оплату налогов. Все в Лимере оставили (реально, я оставила) на усмотрение Мариуса. Можно ли было поступить по-другому? Наверное, нет. Сами мы ничего не понимали в законах Франции, наделали бы ошибок. Помню, я позвонила Игорю, он должен был быть в увольнении, в очередной раз рассказала ему новости о Лимере. Он, правда, до этого ничего о моем винограднике не знал. Пожаловалась на свою беспомощность в финансовых делах. Он молчал. Но потом высказался просто:

– Лиза, ты жила без этого наследства. Тебе было очень плохо? Нет ведь. Ты уверенно работала, ни от кого не зависела. Зачем так переживаешь?

– Я не за себя, за Пьера переживаю.

– А что за него переживать? Учеба у него обеспечена. Ты сама на днях мне рассказывала – отец выделил на это деньги. Захочет – будет жить в Париже, ты же всегда разрешишь ему жить в твоей квартире, надеюсь, ты вернешься в Тель-Авив. А захочет заняться семейным бизнесом – виноделием, начальный капитал у него есть. Да и ты ему когда-нибудь что-то оставишь...

Последние слова резанули меня:

– Ты хочешь сказать, что я старая, что меня скоро на свалку нужно отправить?

Не знаю, почему я тогда так взбесилась, отключилась. Он пытался дозвониться, но я не ответила. То ли устала от напряженных дней, то ли опять возникло забытое чувство вины перед Франсуа, но неудачное замечание Игоря было последней каплей. И я бросилась на постель, рыдалась. А ведь перед этим почти каждый день пыталась дозвониться до Игоря, временами мне это удавалось. И я чувствовала каждый раз облегчение, выслушав его спокойные слова. Мне и сейчас непонятно, почему в нем после операции «Литой свинец» что-то так изменилось. Был робкий «попкорный» юноша – стал мужчиной. Неужели так на молодых парней действует даже несколько дней войны, опасностей?

Глава 4

31.07.18. Лимере.

Вечер, могу отдохнуть, пока Пьер с Жанной уехали в Тур. Правильно. Чего им, молодым, сидеть всю неделю в деревне? Для меня это была напряженная неделя: приехала Жанна, внесла в нашу тихую жизнь суматоху. Пьер забросил виноградник, весь день около Жанны. Мне добавилось работы на кухне. Но начиная с четверга ко мне подключилась Жанна. Понятно, хочет показать себя будущей хозяйкой, да и подучиться немного около меня. Но на две недели, столько они собираются пробыть здесь, я наняла помощницу – хоть убирать в доме не нужно. Мое отношение к Жанне двойственное: с одной стороны – она отбирает у меня Пьера, с другой стороны – я ведь желаю ему лучшего, а Жанна производит пока хорошее впечатление. Правда, подруга, невеста – это одно, неизвестно, какой она будет женой. Я тоже в первое время старалась быть идеальной подругой, верной любящей женой. А потом? Вспоминать не хочется. Не хочется вспоминать разрыв. Но начало блистало всеми цветами радуги.

1993 год.

Отчим расщедрился, оплачивает год учебы в университете, дал денег на съём жилья и жизнь. Университет выбирала я, сравнивала по всем параметрам. Самым дешевым и в то же время престижным оказался Парижский университет. Учеба стоит очень мало, он же государственный, главные траты – съём жилья и проживание. После всех подсчетов представила отчиму счет в новых франках – о евро тогда еще не помышляли. Отчим ничего не понял и потребовал сказать, сколько это в рублях или долларах. Почти сто тысяч новых франков за год при пересчете в деревянные рубли показались мне неподъемной суммой. Быстро перевела в доллары – счет стал значительно более симпатичным. Да я еще и поцеловала его в щечку, и отчим сдался. И вот я в Париже. На счету сумасшедшие деньги, никогда у меня таких не было. Париж еще не полон негров, в кафе, театрах молодежь всех стран Европы. Голова кругом идет. В университете признали мои документы, я определилась с изучаемыми курсами. И наконец учеба. Меня больше всего интересует французская литература, и я записалась в Университет Париж III на факультет латинской и французской литературы и лингвистики.

Одним из привлекавших меня курсов была «Французская литература XIX века». Вел ее вальяжный профессор с небольшой бородкой в стиле Генриха IV. Тогда только начиналась эта мода. Трехдневная щетина с короткой бородкой и короткими зачесанными на косою пробор волосами казались мне верхом совершенства. Буквально влюбилась в этого элегантного пятидесяти восьмилетнего мужчину. Нетрудно догадаться, что это был мой будущий муж Франсуа Дюкре. Постоянные вопросы после лекций, умильные взгляды и явное обожание растопили сердце вдовца. И Франсуа начал приглашать меня то в театр, то в ресторан на дружескую встречу лингвистов. Естественно, что в результате мы через месяц оказались в одной постели, а еще через два месяца, когда я почувствовала себя в положении, последовало официальное предложение руки и сердца. Потом три года любви, особенно мне нравилось, что Франсуа был без ума не только от меня, но и от маленького Пьера.

Но дальше вспоминать не захотелось. Открыла дневник, полистала страницы.

21.02.09, суббота. Тель-Авив.

Наконец могу отдохнуть, прошедшая неделя была слишком тяжелой – пришлось разбирать завалы задолженностей ателье. Заказов набрали слишком много, не смогли удовлетворить наших капризных клиенток. Не нравится им то одно, то другое. Пришлось срочно рисовать новые эскизы, уговаривать клиенток. Ну не могу я выдавать новые серии вариантов по десять

штук в месяц. И Игорь появился у меня на квартире только вчера к вечеру. Я уже и забыла свою злость за неудачные слова. Явился с новостью. Оказывается, его «кабан» – военный врач-психолог, или как там называется его специальность, предлагал досрочно мобилизовать по статье. По-русски это называется «комиссовать». Считал, что после ранения у Игоря возникло психологическое отторжение военной службы. Возможно, он прав, мне тоже так показалось еще перед отъездом во Францию, но Игорь – на дыбы. Потребовал повторного рассмотрения. Ведь уйти с военной службы по такой статье – позор для мужчины. Не закончить полностью службу – фу. Тебя уважать не станут. По телефону мы с ним говорили на днях, но он мне об этом не сказал, стеснялся. И вот теперь с гордостью заявил, что дослужит до конца, то есть еще два месяца. Тоже мне, нашел чему радоваться. Мне нужно решать, уезжать во Францию, продав ателье, или оставить все на попечение опытной закройщицы. Остаться в Израиле не хотелось. Правда, два месяца немного, продажа, возможно, затянулась бы на больший срок.

Обсуждали с Игорем. Он в раздумье, ведь он не имеет права жить во Франции больше трех месяцев. Я тоже размышляла об этом, но как-то вскользь, надеялась что-то придумать. Кстати, продать ателье – не просто. Не зря старая хозяйка была согласна на очень большие скидки и предлагала растянуть оплату на длительное время. Но все эти «деловые» мысли убежали прочь, когда Игорь, закончив рассказ о своей борьбе с «кабаном», обнял меня. Обнял, не дожидаясь молчаливого сигнала с моей стороны.

31.07.18. Лимере.

Да, помню, скучала я по нему. Скучала по его сильным рукам, по его горячему дыханию, вообще, просто по нему. Но вот, еще одна новость – он повел меня в спальню, отказавшись от душа, хотя я ему намекнула об этом, улыбаясь. И запах пропахшего потом мужского тела не был мне неприятен.

В дневнике я только мельком упомянула об обстоятельствах покупки ателье, на самом деле это была очень долгая процедура. В ателье я попала случайно. Уже с полгода не могла найти работу, правда, государство обеспечивало в это время меня на минимальном уровне. На периферии этих денег хватало бы, но жилье в Тель-Авиве очень дорогое. Я снимала комнату в трехкомнатной квартире, платила за нее почти все, что получала от государства. Предложение хозяина дома убирать подъезд и территорию рядом с домом было для меня как манна небесная. Но это мизерные деньги. Каждый раз, проходя по улицам, я искала глазами объявления в окнах магазинчиков, офисов, мелких бизнесов. Удалось найти работу уборщицы в этом самом ателье. Деньги небольшие, но меня это спасало. Убирала быстро, оставалось время посмотреть, что делают портнихи и закройщица. Ателье и тогда не бедствовало, состоятельные заказчицы во все времена одинаковы, требуют новых решений. Эскизы рисовала старая хозяйка. Она постоянно жаловалась, что глаза уже не те, что работать может только при дневном освещении.

Однажды, когда я убирала в комнате, где она всегда работает, хозяйка бросила карандаш в стенку, крепко выругалась и выскочила из комнаты. Я подошла к столу посмотреть на ее эскизы. Оказывается, она на всей серии сделала одну и ту же грубую ошибку. Двухдневная работа полетела к черту. Я взяла чистый лист и набросала один из ее вариантов без этой ошибки. Но мне все равно эскиз не понравился, стала рисовать другой. Через полчаса хозяйка вернулась. Оказывается, она ходила в соседнее кафе выпить кофе и успокоиться. На столе уже лежал новый вариант эскиза. После этого хозяйка стала разрешать мне рисовать свои варианты моделей. Через месяц она наняла другую уборщицу, а меня, не прибавив зарплату, стала привлекать к работе модельера. Рисовать эскизы нарядов я научилась еще в Париже, когда пыталась написать пьесу на мотивы средневековой Флоренции. Пьеса двигалась медленно, и я больше времени уделяла рисованию эскизов моих героев.

Впрочем, я, кажется, уже писала об этом. Франсуа не разрешал мне работать, и у меня оставалось много свободного времени. Я фантазировала, создавая на бумаге изысканные

наряды. Один раз даже заказала подобный женский наряд в соседнем ателье. Франсуа долго смеялся над ним, так как в нем, конечно, никуда нельзя было пойти.

Хозяйка медленно знакомила меня с заказчицами. Все переговоры вела сама, а я только стояла рядом, выслушивая их пожелания. Нарисованные мной эскизы дамам показывала опять она. Через два года я полностью освободила от эскизов хозяйку. Она теперь занималась только финансами и хозяйственными вопросами. Хозяйка стала намекать, что ей пора отдохнуть, передав ателье кому-то другому. Я понимала, что главное в ателье не стены (помещение арендовалось), швейные машинки и запасы материи, а связь с заказчицами. Ведь стоили услуги ателье немало, значительно дешевле покупать готовое в универмаге, поэтому случайные заказы мы получали редко. Главный доход поступает от нескольких десятков постоянных клиентов. Мужские заказы были случайны. Заказчицы ориентируются на модельера. Уйдет модельер – дама к новому может и не пойти.

Сначала хозяйка вела разговор о двухстах пятидесяти тысячах шекелей, обещая длительную рассрочку. Я только пожимала плечами. Зарплату она мне подняла, на жизнь теперь хватало, но почти никаких сбережений сделать не удавалось. Не реагировала даже, когда она стала немного снижать цену. Только в 2002 году, когда умер отчим, ситуация изменилась. Я к тому времени сняла квартиру недалеко от Бограшева, где было ателье, пригласила в Израиль маму. Узнав о ее приезде, хозяйка зазвала нас к себе на чай. В Израиле редко приглашают чужих домой на ужин – только на чай. И когда хозяйка начала нахваливать меня, упомянув, что с удовольствием оставила бы на меня свое ателье, мама сказала, что могла бы немного помочь мне. Кончилось тем, что мама перевела мне десять тысяч долларов, хозяйка поручилась за меня в банке, и мне выдали ссуду. Ссуду и остаток стоимости ателье я выплачивала банку и хозяйке три года.

Пропустила мартовские и почти все апрельские страницы дневника – неинтересно. Привлекла внимание очередная запись.

22.04.09, среда. Тель-Авив.

Возвращалась с работы поздно, захожу в квартиру, а в углу салона брошены вещи Игоря. Не переодеваясь, пошла к нему в комнату – спит мой красавчик, дрыхнет без задних ног. И оружия нигде нет. Не стала будить его, прошла на кухню, села, задумалась. Все-таки нужно решать, куда склоняться. В Париже, вернее, в провинции недалеко от Парижа, учится мой ребенок. Здесь второй. Иногда я так называю Игоря про себя. Кого-то из них нужно выбирать. Или попробовать уговорить Игоря переехать во Францию? А с ателье... Что ж, или отдать дешево, или оставить прозябать без меня. На зарплату они наберут заказов, а я вполне могу теперь обойтись без доходов от ателье. Мэтр Вилар сообщал, что скоро все действия по введению меня и Пьера в права наследников завершатся.

Когда приготовила ужин и разбудила Игоря, поговорила с ним за столом очень серьезно. Он уныло согласился поехать со мной на несколько месяцев, а там, мол, видно будет.

31.07.18. Лимере.

Да, очень уныло соглашался. С армией он разделался окончательно – это не проблема. То есть разве что будут вызывать на милуим. Но перспектива жить на мои деньги его корбила. Ведь работать там он не сможет, продавать свои картины – да нет у него ничего товарного и не скоро будет, если вообще удастся сделать живопись профессией. Я напирала на то, что ему нужно учиться; учиться в Израиле трудно, ведь придется совмещать живопись и тяжелую работу. Как иначе он сможет прожить здесь? А в Париже или на Луаре не нужно будет думать о жилье, о пропитании. И армия выдала ему некоторые деньги, так что он не будет зависеть от меня в этом плане. И, в конце концов, обо мне он думает? Возможно, последний довод ока-

зался решающим. Согласился, но оговорил себе недельный поход с парнями из бывшего взвода по Гола-нам и Галилее. Как будто я была против! Другие после армии удирают на полгода в Южную Америку или в Юго-Восточную Азию.

Следующее, что привлекло мое внимание, датировалось уже июлем.

02.07.09, четверг. Лимере.

Две недели мы с Игорем провели в Париже. Почти все время Игорь пропадал в музеях: понятно, ему интересно видеть живую работы классиков в Лувре и импрессионистов в музее д'Орсе, современную живопись в Центре Помпиду. На Жё-де-Пом в Тюильри и музей Дали двух недель ему не хватило. Ничего, посетит в другой раз. Осмотреть все в Париже – нужны месяцы. Я когда-то, после того как пристроила Пьера в частный детский сад, две недели потратила только на Лувр. Франсуа стойчески терпел мое отсутствие, когда у него не было днем лекций. Игорь случайно увидел мои записи в дневнике – оставила тетрадь раскрытой на столе в кабинете. Читать не стал, но вечером заинтересованно поинтересовался у меня, не собираюсь ли писать книгу? Пришлось немного рассказать, для чего я все это записываю. Вроде удовлетворился – больше меня не расспрашивал.

В Париже мы с Игорем дожидались возвращения Пьера из школы на каникулы. Потом я возилась с определением его в лицей. Наконец все дела переделаны, и мы втроем прибыли в Лимере. Меня очень волнуют отношения моих двух мальчиков. Ведь Пьеру четырнадцать лет, в Игоре он видит взрослого мужчину, отнявшего у него только что обретенную маму. И память о недавно скончавшемся отце... Они совсем не контактируют: Игорь не знает, о чем говорить с мальчиком, Пьер практически его игнорирует. Да и с языком проблема – Игорь не знает французского, а Пьер не хочет говорить с ним на английском. Встречаются они только во время совместных трапез. Не знаю, как хоть немного сблизить их. Игора я, естественно, поместила в отдельную комнату, не хочется выставлять перед Пьером нашу близость. Утром Игорь бегаёт к нашим виноградникам, обегает все поля, возвращается взмыленный. Принимает душ и отправляется до завтрака «на этюды». Ему нравятся берега Луары. Да кому они не нравятся? После завтрака ходит по нашему поселку, садится где-нибудь в тени и рисует один за другим дома, некоторым из которых более двухсот лет. А Пьер валяется в кровати до самого завтрака. После завтрака сидит в интернете, связывается со школьными друзьями. Во двор выходит только перед ужином, когда становится прохладнее. Он вообще не очень любит наш Ламере, злится, что его затащили в такую глушь. И что делать с ним, я не представляю.

18.07.09, суббота. Лимере.

На днях нашла в нашем полуподвале спиннинги Франсуа.

Он иногда ходил на рыбалку. Однажды рассказал мне, что рыбалкой занимался еще его дед, передавший все хозяйство сыну.

И часто брал Франсуа с собой, когда тот приезжал на каникулы. Он перестал ходить с дедом на Луару только после перехода в последний класс лицея – стал интересоваться девушками.

А на каникулы приехала дочка соседа через дом. Вернулся к спиннингам только много лет спустя, когда приезжал со своей первой женой в Лимере. Деда уже не было в живых, отец рыбалку не одобрял. И все надеялся, что Франсуа вернется от своих книжек к настоящему мужскому делу – виноделию. Делать в Лимере было абсолютно нечего, и он вспомнил заветные места деда. Смеялся, что законы в то время были еще не так строги, он возвращался всегда с солидной добычей. Сейчас бы его, мол, по новым дурацким законам обвинили в браконьерстве.

Я полезла в интернет, прочитала все про эти самые «дурацкие» законы. Сплошные ограничения, но ловить-то можно. Посоветовалась с Игорем. Он безо всякого энтузиазма согла-

силса попробовать наладить с Пьером отношения, сказал, что в Омске часто ездил с соседом на рыбалку. Я заказала в местном, в Амбуазе, рыбном хозяйстве «отловочные карты» (лицензии) на двоих, заодно попросила привезти хорошую приманку. Помню, что Франсуа много говорил о важности приманки. Помимо этого, парень из хозяйства привез и подборку положений об ограничениях, накладываемых на процесс рыбалки. Я перевела их Игорю. Пьер о рыбалке сначала не хотел и слушать, но я показала спиннинги, сказала, что отец любил рыбалку и, кажется, немного заинтересовала этим. По крайней мере, согласился сходить один раз. Лодку им достал Мариус. Старая лодка, с которой ходил на рыбалку Франсуа, совсем рассохлась на берегу без употребления. Заодно Мариус дал Пьеру подробную карту реки и указал место, где любил ловить рыбу Франсуа.

19.07.09, воскресенье. Лимере.

Не могу скрыть радость. Пьер вернулся с рыбалки очень довольный: с гордостью показал мне две большущие щуки и здорового карпа весом в пять килограмм. Как мальчишка, рассказывал о своей борьбе с карпом. Даже Игорь помогал. А трех щук им пришлось выпустить – Игорь объяснил, что нельзя ловить больше двух – припишут браконьерство. Оказывается, запомнил то, что я ему переводила. Пьер заявил, что помимо рыбной ловли, учился плавать. Обернулся вопросительно к Игорю, и тот подтвердил его успехи.

31.07.18. Лимере.

Отложила в сторону дневник, вспоминаю эти прекрасные дни. Больше всего меня обрадовало тогда, что Пьер заговорил наконец с Игорем по-английски. Так хотелось обнять обоих моих мальчиков-мужчин, жаль, что нельзя – не поймут. Пьер уже стесняется нежностей, Игорь предпочитает другие объятия. Помню, конец июля и первая половина августа были беспроblemными, мы просто жили, радовались хорошей погоде. Игорь непрерывно рисовал, я временами смотрела то, что он решался показать. Мне нравилось. Он предпочитал карандаш, но иногда переходил на акварель. За масло не решался взяться, хотя я ему говорила, что и это у него получится. Однажды я зашла к Игорю в комнату, когда он после обеда спал, увидела на столе тот лист, на котором он рисовал меня, идущую к воде. И рядом то же самое в акварели. Взглянула и ушла на цыпочках. Неужели он еще помнит тот вечер?

01.08.18. Лимере.

Вчера я не дождалась возвращения Пьера и Жанны из Тура. Уснула, вспоминая былое. Что, мне теперь предстоит только вспоминать прошлое? А утром, я еще лежала в постели, пришел ко мне в спальню Пьер:

– Мама, я хочу сделать Жанне предложение. Как ты считаешь, удобно будет свадьбу провести в Париже? Или лучше здесь, у нас?

Я даже приподнялась над подушкой:

– Пьер, это очень серьезно! Конечно, вы уже год вместе, но Жанна в Страсбурге, ей еще два года учиться, а ты из виноградики не вылезашь, разве это семейная жизнь? Я вот не доучилась в университете, хотя до магистра пара шагов оставалась. Бросила все ради Франсуа, ради семейного уюта. А потом ты родился, было не до учебы. Ты того же хочешь для Жанны?

– Мама, но у нас все будет не так. Жанна переведется поближе, а ребенка мы пока не собираемся заводить.

– Милый, я совсем не прочь стать бабушкой. Только за вас волнуюсь. Подумайте еще хотя бы полгодика. Никуда от вас брак не уйдет, если вы любите друг друга. А перевестись поближе – это было бы вам действительно удобнее.

Ушел, ничего не ответив. А я вспомнила свою скоропалительную свадьбу с Франсуа. Разве я о чем-либо думала? Была безумно рада, что такой мужчина, такой ученый, решил

связать свою жизнь со мной. Даже мысли не было о нашей разнице в возрасте. Ведь он был более чем в два раза старше меня. Не думала, что будет через десять лет. Да что там десять – через шесть лет сбежала от него в Израиль. От него? А может быть, от себя? Ладно, глупо размышлять о том, что было десятки лет тому назад. Главное – как и чем жить дальше. Нет, не о деньгах, с этим все в порядке.

Встала и занялась обычными делами. А вечером, когда все утомилось в доме, снова взяла в руки тетрадку-дневник. Полистала странички, на которых не было ничего интересного, дошла до середины августа.

17.08.09, понедельник. Лимере.

Лето кончается, Пьеру 4 сентября нужно начинать учебу в лицее. Пора собираться в Париж. Да и Игорю надоели пейзажи Луары, видно же, что хочет что-то новое. И это естественно, ему не тридцать шесть, как мне. Мне кажется, что я провела бы со своими мальчишками здесь еще целый год. Только кажется... Интересно, я действительно выдержала бы целый год в этом затхлом уголке Франции? Пьер через пару недель забудет на время Лимере, у него появятся новые друзья, а может быть, и подруга. Боже мой, какая я старая, у сына уже скоро будут подруги. Как только Игорь не стесняется быть со мной? Хорошо, что Пьер привык к Игорю, не сторонится его, смирился с тем, что я не принадлежу только ему. А может быть, это только я рефлексирую по этому поводу? Ведь Пьер только недавно реально ощутил меня своей матерью. И так переживал мою близость с Игорем только потому, что потерял недавно отца.

Но к конкретным делам. Думаю, нужно будет и нам с Игорем уехать отсюда, не отвлекать Мариуса от уборки урожая. Помочь ему мы с Игорем никак не можем. Уехать... Куда? Ну сначала в Париж, проводить Пьера в лицей, потом в Европу или в Израиль. Лучше в Израиль, у Игоря кончается срок пребывания в Европе. Осень в Израиле великолепная. Приедем в середине сентября, и впереди будут два-три месяца отдыха. Правда, зачем отдых? И так наотдыхались здесь, на Луаре. Игорь должен преодолеть робость работы с маслом. Пора становиться художником или отбросить эту мечту, начать учиться и найти себе другой путь в жизни. А мне неплохо бы заняться своим ателье. Скучно, но придется. А на Новый год уехать в Германию или Чехию. Только не в Россию.

01.08.18. Лимере.

Да, размечталась тогда, Франция надоела, захотелось все поменять. Так и намеревалась все время бегать? Бегать вместе с Игорем? В жизни так не получается. Не могла все решать за Игоря. Он уже не мальчик был, сам размышлял о себе, о своей дороге в жизни. И мой дневник это доказывает.

Глава 5

20.09.09, воскресенье. Тель-Авив.

Немного странным показалось вначале возвращение к себе в тель-авивскую квартиру. И дело не в том, что она значительно скромнее парижской и тем более дома в Лимере. Странно, что появилось ощущение возврата в прошлое. Во времена, когда мы познакомились с Игорем. Мы только вчера приехали – задержались в Париже, так как Игорь хотел пройтись по музеям, в которых не успел побывать в прошлый раз. Я в квартире одна, Игорь уехал в кибуц сказать, что уезжает совсем, забрать остаток своих вещей. Уехал на моей машине, в армии получил права. Приедет на следующий день. Два раза прошлась по всем трем комнатам. Остановилась в салоне, где в углу свалены вещи Игоря. Смотрю на них – как он здесь расположится, ведь в Лимере привык рисовать в отдельной светлой комнате, если не во дворе? Но думать нужно

не об этом. Как мы сможем жить здесь? Наверное, нужно будет снять квартиру побольше. Это ладно, это нетрудно. Я снова займусь своим ателье, а Игорь? Снова подключать его к работе в ателье? Или дать ему возможность учиться, работать самостоятельно?

01.08.18. Лимере.

Сейчас-то я понимаю, что должна была полностью обеспечить ему возможность учебы и творчества. Но тогда была еще не уверена, что он действительно станет художником. Поэтому были сомнения. Но и о себе были сомнения. Главное из них – надолго ли смогу удержать Игоря около себя. Да, уже тогда понимала, что он все равно уйдет в свою самостоятельную жизнь. Жизнь, в которой мне не будет места.

Вероятно, что-то мешало мне обращаться к дневнику, следующая запись была только в декабре.

27.12.09, воскресенье. Тель-Авив.

Почему стала писать по воскресеньям? Вроде тяжелый день, много всего на работе, а я сижу у своего дневника, пытаюсь сформулировать угнетающие меня мысли. Нет, на работе все нормально, за осень вернули к себе клиенток, ушедших было от нас летом. А в декабре заказов очень много. Ведь наши заказчицы не религиозные, отмечают кто Рождество, кто Новый год. И каждой хочется покрасоваться в новом наряде. Игорю я сняла небольшую студию здесь, недалеко. Там он проводит большую часть времени. Я настояла, чтобы он не отвлекался от своей учебы (или работы?). Ведь можно эту учебу назвать работой над собой. Но в результате он стал не каждый день возвращаться домой, ко мне. В студии имеется диван, там он и спит, когда заработается допоздна. Ему удобно, но мне в такие дни одиноко, тоскливо. Дело не в сексе, ведь хочется с кем-то поговорить вечером, обсудить новости. Да просто покормить любимого человека. Это тоже приятно.

01.08.18. Лимере.

Не записала, а ведь речь не только об одиночестве по вечерам. Речь о страхе потерять Игоря, только боялась написать такое, признаться в этом самой себе. Теперь я это понимаю. А тогда, тогда внимательно рассматривала вечерами каждую новую морщинку на лице, появляющуюся паутинку у уголков глаз. Накупила кремов, мазалась на ночь, советовалась в соседнем косметическом салоне со знакомой специалисткой. И, конечно, села на диету, заметив, что поправилась по сравнению со временем, когда репатриировалась. Купила напольные весы, взвешивалась почти каждые два дня. В субботу требовала, чтобы Игорь не сидел в своей студии, отдыхал. Разумеется, вместе со мной. Каждую субботу либо поездка по Израилю, либо поход вечером на очередное мероприятие: театр, концерт, выставка. Благо, несмотря на все запреты религиозных ханжей, каждую субботу в Тель-Авиве что-нибудь происходило.

Не уверена, что это была правильная тактика. Вернее, тактически все было правильно, но по большому счету – бесполезно. Ишь какими заумными терминами стала бросаться!

02.08.18. Лимере.

Утром думала, что Пьер продолжит разговор о женитьбе или огорошит меня известием, что сделал Жанне предложение, но ничего не произошло. Я не стала поднимать этот вопрос. Может быть, на время успокоится, отложит брак на более позднее время. После завтрака Пьер ушел в виноградники, а мы с Жанной остались одни. Навели порядок везде и сели на веранде. Как-то само получилось, что Жанна начала рассказывать о себе, о своей семье. Она родилась в Гранвиле. Отец служит в порту, ему еще долго до пенсии, есть младший брат. Она не хотела оставаться в маленьком городке, уехала после лицея в Страсбург. Надеется после окончания курса устроиться детским врачом в крупном городе. С Пьером познакомилась в Париже – слу-

чайное знакомство. Были в одном кафе, играла музыка, и Пьер пригласил ее на танец. Не думала, что этот танец получит продолжение. Но вот так. Я ее спросила, что она думает о работе Пьера, ведь он забросил попытки писать, хотя в университете печатал маленькие рассказы в университетском журнале, полностью занят только делами виноградаря. Жанна как-то съезжилась:

– Не знаю, мадам Элизабет, не думала раньше, вчера Пьер спросил меня об этом, а я не знаю, что ему ответить. Я же понимаю, о чем он спрашивает. Но жить не хочется ни в Лимере, ни в Амбуазе. Даже Тур – совсем неинтересен. Тем более не хочу возвращаться в Гранвиль. Не знаю пока.

Дальше не стала ее мучить тяжелыми вопросами. Главное, сейчас они ничего не решили. Перевела разговор на более нейтральные темы. Потом Жанна ушла в виноградники к Пьеру, а я осталась со своими мыслями.

Да, Жанна хороший человек, но она пока не определила для себя, чего она хочет, что главное в жизни. А я, что, я в ее возрасте была более рассудительной? Нет, ничего не думала, выходя замуж за Франсуа. Да и позже бросалась из стороны в сторону, резко меняя жизнь. Одни мои отношения с Игорем чего стоят! Открыла свои записи, полистала до первой выставки. Все другое было теперь неинтересно. Разве что пятидесятилетие Пьера.

10.02.10, среда. Тель-Авив.

Утром еле дождалась десяти часов, позвонила Пьеру, поздравила с днем рождения, пожелала здоровья и успехов в учебе. На самом деле наговорила по телефону текст, ведь он был на занятиях и телефон отключен. Через полчаса он перезвонил мне, спрашивает, когда я приеду во Францию. Твердо пообещала провести каникулы с ним в Лимере. Возможно, упоминание о Лимере ему не понравилось, так как он молчал с десятков секунд. Потом сказал, что хотел бы на летних каникулах побывать в Люксембурге у приятеля. И ждет моего ответа. Естественно, я согласилась. Договорились, что он приедет в Лимере в начале июля.

Очень короткое общение, но Пьер ведь на перемене. Потом еще с полчаса пережевывала весь разговор, решила поехать к началу июля, все равно здесь, в Тель-Авиве в это время жарко. Подумала тогда, а как будет реагировать на это Игорь? Ведь всю теперешнюю жизнь я планирую с оглядкой на него.

15.04.10, четверг. Тель-Авив.

Можно теперь оценить результаты моих стараний по продвижению творчества Игоря. Выставка прошла. Игоря заметили, правда, критик, писавший о выставке, упомянул его только раз, отметив необычную для современной молодежи детальность представления речных просторов молодого художника Игоря Романова. Он даже не сказал, что это были виды Луары, а может быть, не обратил внимание на подписи под рисунками. Рисунками, так как Игорь категорически отказался выставлять акварели, сказал, что они ничего не стоят. Кстати, кажется, я первый раз упомянула его фамилию. В России он считался русским, но мать еврейка, поэтому он решил после школы репатрироваться.

02.08.18. Лимере.

Короткая запись, а сколько было у меня хлопот. Я узнала о планировавшейся выставке молодых художников еще в январе. Стала расспрашивать своих клиенток, оказалось, что муж одной из них – видный деятель в Объединении профессиональных художников Израиля. Созвонилась с этой дамой, не буду называть ее фамилию, пригласила в наше ателье. Несколько необычно, никогда не напрашивалась на заказ. Она пришла и была очень удивлена моими словами. Но, как весьма практичный человек, сразу обусловила свою помощь исполнением для нее хотя бы пары костюмов к выставке. Ведь Игорь не член объединения, никому не известен.

Я пригласила даму в мастерскую Игоря, показывала ей его рисунки. Думаю, что сам Игорь больше понравился даме не слишком молодого возраста, чем его рисунки, тем более что она честно призналась о своем полном невежестве в живописи. Обещания были даны, Игоря я заставила позднее встретиться с мужем дамы, и он получил приглашение на выставку.

У меня было две проблемы: заставить Игоря сделать особенно хорошие эскизы для дамы и уговорить выставить не только рисунки, но и акварели. Первое удалось, хотя он вначале сердился, но по второму пункту я потерпела полное фиаско: наглухо отказался представлять что-то кроме рисунков. Эскизы для дамы он сделал завершенными – в цвете. На этом настояла я. Раньше он предпочитал делать эскизы только в черном карандаше. Но в апреле нужно было представить, по моему мнению, что-то яркое. И это удалось – дама была в восторге. Конечно, я могла бы сама сделать для нее эскизы, но к этому времени поняла – Игорь как модельер сильнее меня. Странно, но это меня не сердило, не злило, не знаю, что еще «не». Наверное, к этому времени моя влюбленность в него была уже почти сродни материнской, хотя я тогда этого еще не понимала. Главным для меня был его успех.

К выставке Игорь просмотрел все свои виды Луары, жестко отбраковывал, заставлял меня критиковать, злился, что я не ругаю ни один из них, ведь мне они нравились все. Выбрал пять рисунков, причем один перерисовал заново. Я воспользовалась тем, что в субботу несколько часов провела в его студии, рассматривала акварели. Удивилась его нежеланию выставить их. Он угрюмо говорил, что они мертвые. Никак не могла понять его, просила объяснить. Он тыкал пальцами в изображения воды:

– Посмотри, разве это вода Луары? Это вода гнилого озера. Вода должна жить, играть, а здесь? Что здесь? Мазня.

На мой взгляд, это была вода Луары, чего-то я не понимала. Пришлось сдаться.

Выставка не была коммерческой, ничто не продавалось, я не могла понять, имеют ли рисунки Игоря рыночную стоимость. Но это было для меня совершенно безразлично. Я была горда тем, что рисунки смотрели люди, в том числе художники, выставлявшиеся на той же выставке.

После выставки меня начал мучить один вопрос. Я написала об этом только несколько предложений, но думала много раз.

20.05.10, четверг. Тель-Авив.

Куда я должна направлять Игоря? И должна ли? С одной стороны, он весьма приличный модельер. Может стать мастером своего дела. Возможно, выйти за пределы Израиля. Это обеспечило бы ему уважение и финансовую независимость. Не всегда же он будет опираться на меня. Но он может стать профессиональным художником. Что его ждет в этом случае? Количество художников, как и писателей, возросло настолько, что выделиться среди них – редкая удача. И дело не только в мастерстве. Можно быть очень хорошим художником, но если не было случая, когда тебя заметили, выделили из толпы, ты так и будешь оставаться середнячком. А это значит, что будешь постоянно в нужде. Сколько художников в Израиле вынуждены штамповать картины, чтобы, продавая их по 400–500 шекелей, обеспечивать «кусочек черного хлеба без масла». Сдавать их посредникам или самим ездить по городам и весям, предлагая потенциальным покупателям. Этого ли я хочу для Игоря?

02.08.18. Лимере.

Да, записала так. А сколько думала перед этим? Несколько раз говорила с Игорем, убеждала его – лучше быть хорошим успешным модельером, чем рядовым хорошим художником. Два раза он посмеивался, говорил, что верит в себя. Но когда я завела подобный разговор в третий раз – возмутился:

– Ты совсем не веришь в меня? Лучше я буду, по твоему выражению, иметь «кусочек черного хлеба без масла», но останусь вольным человеком, занимающимся любимым делом.

Ну что ему скажешь? Разве начинал он жить так, как многие другие художники? Разве знает цену «черного хлеба без масла»? Ведь с момента репатриации он все время поддерживался кем-то. Сначала государство содержало его, потом кормила, одевала армия, потом появилась я, дав Игорю кров, питание и возможность некоторого заработка в моем ателье. Сказать ему подобное – лишиться друга, любовника, смысла жизни, в конце концов. Ведь рядом с ним я забывала о Пьере. Каюсь в этом. Пьер снова в разговоре упомянул, что поедет после завершения учебного года в Люксембург, а я только попросила, чтобы он к началу июля все же приехал в Лимере. Мы встретим его в Туре.

03.08.18. Лимере.

Была с утра насторожена, может, теперь молодежь обсудила свои отношения и пришла к какому-то выводу, но утро прошло безоблачно. Сразу же после завтрака Пьер ушел в виноградники. Что он там делает каждый день, неужели пытается заменить собой Мариуса? Жанна ушла в свою комнату – не выходит. Я побродила по дому, переделалась, пошла к реке. Не очень жарко, на небе временами тучки, а я под летним зонтиком. До реки с полкилометра, я уже упоминала об этом, легкая прогулка. Вышла на берег – смотрю, где здесь виды, которые фиксировал Игорь? Помню же, что на рисунках пустынный берег. Только вдали миниатюрные домишки. А здесь ничего подобного – оба берега Луары застроены, если дом далеко от берега, то у воды обязательно что-то лежит. Пасторальные пейзажи – выдумка, мечта Игоря. Не помню, чтобы он уходил далеко. И на всех его рисунках главное не берега, а вода. Не зря он в Тель-Авиве говорил, что в первую очередь рисует воду, и злился, что на акварелях она мертвая. Это теперь вода – один из главных его козырей, то, что привлекает покупателей. И не только речная, но и морская.

На обед Жанна не вышла из своей комнаты, Пьер пошел к ней, они долго о чем-то разговаривали, а потом Пьер вышел ко мне расстроенный, сказал только, что Жанна завтра уезжает, не говоря ничего о причине. Ничем не могу помочь сыну, вроде не к месту сказала, что обедать все равно нужно. К моему удивлению, он согласился, и мы пошли в столовую. К ужину Жанна вышла в столовую, ужинали без обсуждения ее решения. А после ужина я снова взяла в руки дневник, пропустила никчемные заметки о своих делах в ателье.

30.06.10, пятница. Лимере.

Второй день в Лимере. Я довольна: перелет прошел спокойно, Мариус встретил нас и отвез домой. Это ведь мой и Пьера дом. Возможно, Игорь поэтому чувствует себя здесь немного не в своей тарелке. Кроме того, он два раза, в самолете и в машине, неопределенно говорил, что хотел бы поехать на атлантическое побережье: к Бискайскому заливу, в Ла-Рошель, или в Нормандию. Я понимаю, нельзя любимого держать все время около себя. Не хочется расставаться даже на время, но придется. Попросила вчера Игоря остаться в Лимере до августа, очень хочется, чтобы он продолжил влиять на Пьера. Это было так хорошо в прошлом году. А потом он может побродить почти месяц по Атлантическому побережью, рисовать океан, Бискайский залив или Канал. Где захочет. Не ожидала такой реакции – ночью он был очень мил со мной.

Сегодня мы снова разговаривали о его поездке. Я попросила уделять больше внимания акварели. Он молчал, а потом неожиданно выдал:

– В этот раз я попробую и масло.

Я не показала своей радости. Начала говорить о совершенно прозаических вещах: что из одежды нужно взять с собой, сколько денег потребуется, какие материалы приобрести и где. Решили в начале июля съездить в Тур, посмотреть, что имеется там в магазинах.

Потом позвонила Пьеру. Договорились, что в Париж он доберется из Люксембурга на автобусе, а из Парижа, с вокзала Монпарнас, поедет на поезде в Тур. Ему будет удобно выехать из Парижа в 16 часов. Мы будем встречать его в Туре. И с утра пару раз созвонимся.

03.08.18. Лимере.

Для меня слова Игоря о работе масляными красками были тогда полной неожиданностью. Я просто мечтала об этом. Только после освоения масляных красок тебя считают профессиональным художником. Я говорю о простых людях – потребителях живописи. Хотя рисунки, даже в карандаше, ценятся иногда знатоками значительно выше гигантских полотен, но покупают полотна профаны в живописи. А мне очень хотелось тогда, чтобы Игорь исполнил свою мечту стать художником, если он отказывается от карьеры модельера.

02.07.10, четверг. Лимере.

Вчера мы с Игорем встретили Пьера. Поезд пришел вовремя, но я не утерпела, три раза звонила Пьеру, выясняла, где он находится. Пьер даже разозлился немного:

– Мама, что ты меня опекаешь, как маленького? Сам доберусь.

Конечно он маленький для меня. Хотя, когда он вышел из вагона, я сначала не поверила своим глазам. Вырос почти на голову, поправился – вероятно, в Люксембурге кормили на убой, а делать там, по моему мнению, совсем нечего. Застеснялся, когда я бросилась его обнимать. Голос погрубел, да он еще говорит отрывисто. С Игорем они ограничились рукопожатием. Потом Игорь все-таки похлопал его по плечу:

– Ну, ты совсем уже взрослый.

Взрослый, но, когда переезжали на правый берег Луары, центр Тура расположен между Луарой и Шером, жадно вглядывался в берега. Потом мы выскочили на трассу D1 и, далеко минув стороной Амбуаз, въехали прямо в Лимере рядом с нашим домом. И все время Пьер глядел вправо, все пытался рассмотреть долину Луары. Но справа от дороги сплошные дома владельцев виноградников и полей. Берега Луары совсем не видны.

Дома накормила, расспрашиваю, а он отвечает односложно:

– Да... Нормально... Нет...

Ничего толком от него не добьешься. Игорь спросил про девушек в лицее, Пьер ответил чуть подробнее, есть, мол, но я больше спортом интересовался. Игорь тут же на него набросился с вопросами: каким спортом, как получается. Для Игоря это интересно. Сразу же предложил показать пару приемов, которым учили в армии. Они договорились позаниматься на следующий день. Потом мы сидели с Игорем на веранде, немного поговорили, я сказала уставшей и ушла к себе.

03.08.18. Лимере.

Да, помню, вечером даже чуть не всплакнула, когда пришла в свою комнату. Игорь и Пьер практически одинаковые по росту, только Игорь мощнее, в армии накачал мышцы. А как я выгляжу рядом с ними? Как мама обоих? Рассматривала себя в зеркало – мне тридцать семь лет, скоро сороковник будет. Бросит меня Игорь. Зачем ему старуха? Потом погрозила себе кулаком:

– Трусиха, мы еще поборемся! Я еще не так плохо выгляжу.

Диету соблюдала, старалась не толстеть, не хотела вылезать за шестьдесят килограммов, за кожей следила, только вот шея уже тогда начала подводить. По ней возраст всегда можно определить. Ну да шею можно прикрыть платочком или шарфиком. Нужно только не забывать про это.

18.07.10, воскресенье. Лимере.

Быстро время пролетает, еще две недели, и мы с Пьером останемся одни. Он сразу заскучает: сейчас они то выезжают с Игорем на рыбалку, то отрабатывают приемы борьбы без оружия, то плавают на Луаре, на противоположном берегу за островом. Что он будет делать после отъезда Игоря? Не зря говорят, что мальчику нужен отец. Правда, Франсуа всем этим с Пьером не занимался. Даже на рыбалку не возил его. Возраст не тот. Но временами Игорь садится за мольберт. Пока только практикуется работать с маслом. Прикалывает лист бумаги, учится накладывать грунт, пробует сочетания красок. Техника совсем не похожа на акварель. Но он старается. Мы ездили не только в Тур, но и в Орлеан, а это немного меньше сотни километров. Все, что нужно Игорю, купили. Запасов для работы ему на месяц хватит, буду немного спокойнее.

Сейчас понимаю, что зря волновалась. Денег я дала ему достаточно, французского не знает, но в Нормандии, на побережье, он туда в конце концов решил ехать, с английским можно обо всем договориться. Если бы Пьеру надоел наш Лиме-ре, можно было бы поехать на время в Париж. Но об этом тоже зря волновалась, не надоело, или не хотел этого показать.

01.09.10, среда. Париж.

Приехали под вечер в Париж. Все вместе – Игорь успел вернуться до нашего отъезда из Лимере. У меня проблема – в холодильнике ничего нет, но я послала мальчиков в дежурный магазин, и они приволокли ворох продуктов, как будто мы собираемся здесь жить пару недель. Разместила обоих, накормила и отправила спать. Сижу одна, спать не хочется, пробую записать последние вести. А писать почти нечего. Кроме одного. Перебирая вещи Игоря, ведь нужно посмотреть, что в стирку, что выбросить, нашла пачку этюдов в карандаше, несколько акварелей и два картона с морским пейзажем маслом. Просматривая этюды, обратила внимание, что у него не только море. На десятке этюдов и двух акварелях обнаружила одну и ту же девушку. Одну, так как прическа своеобразная, трудно не узнать. Волосы подняты вверх в виде башни или короны, обвязанной широкой лентой. То она стоит на песке, то по колено в воде. Сначала подумала, что она совсем молоденькая, так как руки очень худые, да и бюст, рассмотрела на одном этюде, только проглядывается. Но на одном этюде, где лицо было проработано подробно, видно было, что ей не меньше тридцати. Не стала даже рассматривать пейзажи маслом, скорее свернула все, положила, как было.

03.08.18. Лимере.

Тогда ничего не сказала Игорю, хотя очень хотелось выпросить все о девушке. Но нельзя выказывать свой интерес. Думала, что он сам расскажет. И рассказал, но позднее, уже в Израиле.

Глава 6

04.08.18. Лимере.

Пьер отвез рано утром Жанну в аэропорт Тур, она намерена лететь в Страсбург самолетом. Вернулся мрачный. Я старалась не досаждать ему, молчала. Была уверена, что сам выложит все. Так и получилось. После завтрака остановил меня, когда я хотела заняться посудой:

– Мама, почему так получается? Мы с Жанной любим друг друга, она мне и в аэропорту так сама сказала, а быть вместе не сможем. Что делать, что бы ты сделала?

Как будто я знаю, что делать. Сама кучу ошибок в жизни сделала и еще предстоит точно так же ошибаться. Но он ведь ждет от меня поддержки. Хоть не совсем правды, но что-то на нее похожее я должна сказать.

– Милый, не расстраивайся так. Ты, наверное, все-таки предложил ей жениться. А она не готова к этому. И она права, вам очень трудно будет совместить интересы. Ты здесь – она не хочет хоронить себя в глуши, как она говорит. Может, не такими словами, но смысл именно такой. Что делать? Ничего. Ничего необычного. Подожди несколько дней, позвони ей, ни в коем случае не вспоминая ваши последние разговоры. Просто скажи, что соскучился, хочешь приехать к ней на неделю после уборки урожая, что раньше смог бы прилететь только на денек. И замолчи, жди, что она скажет.

– Думаешь, она пригласит к себе?

– Конечно, Пьер, ведь она тебя любит. Я это видела по ее глазам, когда разговаривала с ней. Уверена, она тоже переживает вашу размолвку.

– Но ведь она сказала, что у нас вместе ничего не получится!

– Даже если вы не решитесь жениться, то сейчас-то вам хорошо вместе. Цени это, думай о будущем, но живи настоящим.

– Мама, это как у вас было с Игорем?

– Милый, я не знала тогда, что будет через десять лет, даже через год или месяц. Но мне было хорошо с ним. Я не хотела терять его. Приходилось со многим мириться. В отношениях нельзя жить только своими интересами.

Пьер ушел, я убираю со стола, привожу все в порядок, думаю, насколько я была правдива в своих словах об отношениях с Игорем. Не захотела прибираться в доме, ушла в спальню, открыла дневник.

13.09.10, понедельник. Тель-Авив.

Давно вернулись в Израиль. Стараюсь не отвлекать Игоря, так как он всерьез увлекся маслом. Да и ателье требует внимания. Я не особенно заинтересована в его процветании, не собираюсь расширять контингент клиентов, мне достаточно небольшого дохода, приносимого им. Поэтому большую часть эскизов рисует самостоятельно моя закройщица. Но и я подключаюсь иногда, когда возникает слишком требовательная заказчица. Так случилось, например, когда позвонил муж той дамы, которая помогла Игорю принять участие в апрельской выставке. Супруг этой дамы напомнил мне, что Объединение профессиональных художников организует в конце ноября выставку-продажу работ молодых художников. Напомнил, как будто я могла знать об этом. Откуда? Я поблагодарила, сказала, что Игорь Романов был бы рад принять участие в выставке, но он не член Объединения. Супруг дамы открытым текстом заявил, что это серьезное препятствие, но он надеется преодолеть его, так как жена насаждает. И рассмеялся. Добавил, что нужно заявление Романова на участие в выставке.

Напала на Игоря, доказывала, выставка очень нужна ему. Согласился с большим трудом, начал готовиться. А мне теперь придется очень серьезно поработать с этой заказчицей.

04.08.18. Лимере.

Помню, Игорь хотел опять выставить только рисунки, но я возражала, требовала выставить несколько полноценных акварелей и хотя бы одну картину в масле. Времени достаточно. Да, времени было бы достаточно, если бы у Игоря был запас готового материала. Мы просмотрели его акварели и отвергли все. Отобрали три «морских» этюда и один с той самой девушкой. Опять я ничего не спросила о ней. Но обратила внимание, что поза девушки мне очень знакома. Вспомнила ту акварельку, на которой Игорь рисовал в прошлом году меня. Это ведь та же самая поза. Только здесь она несколько нарочитая, как будто специально стоит в этой позе и уже устала. Что ж, возможно, он выбрал этот этюд из-за морских волн, катящихся за спиной девушки. На акварельке со мной никаких волн не было.

Опять пролиставала записи. Совсем они мне неинтересны, если в них нет Игоря.

24.11.10, среда. Тель-Авив.

Слава Богу, предвыставочные волнения завершились. Для Игоря успешно, с моей точки зрения. Если считать шекели, то это курам на смех. За те два месяца, которые Игорь потратил на подготовку новых акварелей и одного небольшого полотна в масле, он заработал бы у меня в ателье в десять раз больше денег. Проданы все рисунки и одна акварель. Проданы за копейки, цены устанавливает выставочный комитет и нет никакой торговли. Просто желающий купить платит деньги, на вещи вешается табличка: «Продано». Но не в деньгах дело – теперь его могут принять в Объединение профессиональных художников. И даже не в этом. Его работы кого-то интересуют, кто-то готов платить за них деньги. Не знаю, как Игоря, но меня это радует.

04.08.18. Лимере.

Да, радовало, ведь сколько раз переживала, когда видела, что кто-то останавливается около его небольшого уголка, начинает рассматривать внимательно и отходит. Возникла мысль договориться с кем-то из знакомых, чтобы купили для меня пару рисунков Игоря и акварель. Слава Богу, не сделала так.

05.08.18. Лимере.

После обеда Пьер остался в столовой, ждет, пока я уберу посуду. Начинает издали:

– Мама, у нас слишком большие запасы ординарного вина. Нужно что-то делать с ними. Нельзя вино держать столько времени.

– Пьер, зачем ты меня спрашиваешь? Я ничего тебе не смогу посоветовать. Что говорит Мариус?

– Мариус пожимает плечами. Он вроде предлагал уже всем окрестным оптовикам. Продавать нужно все подряд.

– Почему, разве нам нужны деньги?

– Мама, тут один хозяин продает большое поле недалеко от наших. Кажется, он хочет выйти из бизнеса по возрасту. Сорт хороший, можно будет делать приличное вино. Просит пятьсот тысяч евро. У нас в банке имеется около ста тысяч, но этого мало. Я хочу проехать в Тур, Блуа и Орлеан, предложить оптовикам приличную дополнительную скидку, до пятнадцати процентов. У нас слишком много непроданного молодого вина. Нужно ведь очищать погреба, готовить место для нового урожая. Сейчас старые запасы уже проданы почти всеми хозяйствами, а новое вино будут предлагать не скоро. Думаю, это дало бы нам еще тысяч двести пятьдесят – триста. Надеюсь, что тысяч пятьдесят хозяин может сбросить с цены, но не хватает еще много.

– Что же ты предлагаешь?

– Можно продать часть наших ценных бумаг. Они сейчас дают очень мало. Выгоднее продать их и вложить деньги в дело.

– Пьер, я все равно ничего в этом не понимаю. Если ты уверен, и этого хватит, делай, как задумал. Но оставь мне сто тысяч. На всякий случай.

– Спасибо, мама! Я уверен, дело стоит того.

Полез ко мне целоваться, совсем не похоже на него. Господи, двадцать четыре года, а совсем еще мальчишка! У меня в его возрасте уже был двухлетний сын.

Вечером погрузилась в дневник и воспоминания. Могла бы прочитать весь дневник за день-два, но зачем? Так приятно последовательно вспоминать счастливые деньки. К тому же все это нужно переносить в компьютер. А это требует много времени, хотя я набираю текст все быстрее. Куда спешить? Теперь, когда заперлась в Лимере, ничего мне впереди не светит. Разве что дождусь внуков, буду радоваться, глядя, как они взрослеют.

05.01.11, среда. Тель-Авив.

Игорь получил вчера телеграмму о смерти матери. Очень неожиданно, ведь она совсем не старая. Игорь рассказывал о ней, она старше меня на семь лет. Что, и меня в 2018 году может ждать кончина? В телеграмме ничего не говорилось о причине смерти. Игорь пришел ко мне в ателье с красными глазами – плакал? На похороны не успеет, но лететь нужно. У него сохранился российский паспорт, виза не нужна. Поехал вчера в Бен-Гурион, и вчера же улетел. Я осталась одна. Надолго ли?

Деньгами я его на всякий случай снабдила, вдруг придется задержаться в этом Омске. Позвонила через день, он сказал, что добрался, уже дома, то есть в квартире матери. Соседи его помнят, ключи от квартиры дали. Просил не волноваться. Но как не волноваться? Один в чужой стране. Действительно чужой, отвык он уже от нее. Уезжал оттуда совсем зеленой мальчишкой. Может быть, и мне нужно было поехать вместе с ним? Но в качестве кого?

17.01.11, понедельник. Тель-Авив.

Нечего было отмечать в дневнике. Ателье меня сейчас не волнует, да и не происходит в нем ничего интересного. Игорю звоню через день, но от него толком ничего не добьешься. Говорит, что приходится возиться с документами, а чиновники все время просто отбрасывают их, говорят, что все оформлено неверно. Нужно давать взятку, а он не умеет. Посоветовала обратиться к местному адвокату. Не знаю, что ему нужно там оформлять, но адвокат в любом случае не помешает.

01.02.11, вторник. Тель-Авив.

Игорь сегодня сам позвонил. Сказал, что проблемы у него были с оформлением на себя материнской квартиры. Адвокат открытым текстом посоветовал продать поскорее квартиру и не пытаться ее оформлять на себя. Туманно заявил, что могут просто отобрать ее. Я подтвердила, что квартира ему ни к чему, лучше взять хорошие деньги. Он застеснялся, но потом разъяснил мне. Оказывается, адвокат назвал сумму, которую нужно дать, кому следует, и сумма большая, нет у него таких денег. Предложила переслать ему, но он отказался, сказал, что сам разберется.

05.08.18. Лимере.

Да, хотелось Игорю быть самостоятельным, надоело быть мальчиком, ведомым опытной женщиной. А я, я опытная была? Не уверена. Даже сейчас не могу ничего посоветовать сыну.

12.08.18. Лимере. Неделю не читала дневник, не занималась хозяйством.

Что мне делать в Лимере одной? Пригласила Анну в Париж, шлялись с ней по магазинам, гуляли по набережной, любовались вечерним Парижем. Каждый вечер сидели в новом кафе, а потом долгая болтовня в спальне. Анна рассказывала о своем последнем друге, с которым, оказывается, поссорились с месяц назад и разбежались, о своих студентах. А мне и рассказывать нечего. Разве что о проблемах Пьера.

Прибыла в Лимере вчера, а сегодня из поездки по городам вернулся Пьер. Усталый, но довольный. Удалось продать очень много, вывозить будут на днях, деньги поступят в течение месяца, так что под заключенные договоры можно будет взять ссуду в банке на короткий срок, и наконец купить желанный виноградник. Торопится, так как по условиям договора урожай будет принадлежать ему, если успеет оформить покупку до начала сентября. Немного завидую собственному сыну – у него есть дело, любимое дело, он чего-то желает и добывается желаемого. А я сижу без дела, без любимого мужчины.

Вечером вернулась к своему дневнику.

16.02.11, среда. Тель-Авив.

Несколько неожиданное известие. Игорь рассказал по телефону, что все свои дела о продаже квартиры завершил. Чтобы не ждать решения суда о введении в наследство, а потом еще и заниматься продажей, для чего нужно было бы опять собирать справки, дал адвокату генеральную доверенность. Получил от него деньги за квартиру – двадцать тысяч долларов – и отправился со школьным приятелем в Москву. Двадцать – мало, как говорят соседи, это меньше половины, но зато не нужно сидеть в Омске еще месяцев девять. Хочется скорее вернуться в Израиль. Только побудет в Москве пару недель.

Не очень верится его словам о возвращении через две недели. Живые деньги в кармане – большой соблазн. Но что я могу сделать, что сказать? Одобрив поездку в Москву, даже посоветовала заглянуть и в Питер.

12.08.18. Лимере.

Конечно, понимала тогда, что вояж не завершится за две-три недели, но надеялась на скорое возвращение.

24.02.11, четверг. Тель-Авив.

Долго, для меня долго, не было звонков из Москвы, наконец, бодрый голос:

– Лиза, потрясающе! Я тут познакомился с отличными парнями. Они организовали коммуны в Перловке. Это совсем рядом с Москвой, но почти в лесу. Сняли два стоящих рядом домика с большим садом между ними. Никакого алкоголя – сухой закон. Рисуем весь светлый период дня, здесь такие пейзажи – заснеженные долины, сад с деревьями, покрытыми инеем, бревенчатые домишки. А совсем рядом чащоба, даже не верится, что до московской кольцевой дороги пара сотен метров. Я присоединился к ним. Вечерами спорим об искусстве, политические разговоры запрещены, мы вне политики. Хочется побыть здесь до весны, есть чему поучиться у других. Жалко только, что сейчас зима, нет открытых водоемов, нет моей любимой воды, чтобы изучать ее оттенки.

До меня дошло, что раньше весны Игорь в Израиле не появится. А весной захочется в Европу. И так, пока деньги кончатся.

12.08.18. Лимере.

Правильно тогда рассуждала, не появился и весной. Но несколько ошибалась относительно денег. Научился все-таки себя обеспечивать. Научился не только рисовать то, что нравится, но и работать на публику, выдавать за десять-двадцать минут рисунок или портрет на потребу туристов. Много таких художников в европейских городах.

30.03.11, среда. Тель-Авив.

Предчувствие не обмануло меня. Лучше бы обмануло. Дозвонилась до Игоря, а он извиняющимся голосом нерешительно говорит:

– Лиза, тут такое дело... мне предложили поехать в Германию на пару недель. Наверное, я поеду. А после Германии сразу в Израиль. Извини, что так получается, я не собирался задерживаться здесь. Но вот такие дела.

И молчит. Стараюсь спокойно спросить:

– С ребятами из вашей коммуны?

– Да, мы втроем.

И сразу же добавил:

– Я зимние этюды отправил к тебе. Посмотри их, пожалуйста.

Ну, что мне делать? Пожелала ему посмотреть Германию.

12.08.18. Лимере.

Я тогда сразу же по тону почувствовала, что он отправляется в Германию с девушкой. Старалась не выдать себя. Бесполезно ругаться, обвинять в чем-то. Никаких обязательств у нас с Игорем нет. Кто я ему? Приятельница, приютившая на время. А он совсем молодой, ему, как жеребенку, хочется бегать по полю, взбрыкивать ногами, носиться за такими же, как он, молодыми жеребятами. Или кобылицами, к сожалению.

Следующий раз я позвонила ему только через две недели, все-таки ждала, что он сам позвонит. Не дождалась. И опять предчувствие не обмануло меня. Очень виноватым голосом Игорь, не выслушав меня, стал объяснять, что встретил девушку, которая... В общем, оправдывался. Зачем оправдываться? И так все ясно. Пожелала ему не забывать, что он художник, должен развиваться. Потом подтвердила получение зимних этюдов, отключилась. И даже не отметила этот разговор в дневнике, наверное, очень задел он меня. Хотя признаваться в этом не хотелось.

13.08.18. Лимере.

Во время обеда Пьер очень неопределенно сказал:

– Мама, кажется, Мариус хочет удалиться от дела. Я еще не понял его, то ли совсем хочет уйти, то ли полностью передать мне дела по винограднику и сбыту, заниматься только изготовлением вина.

– Да, он уже в солидном возрасте. Когда я приехала в первый раз с Франсуа в Лимере, он уже был стар. Или казался мне старым. А ты справишься без него, или нужно искать другого управляющего?

– С посадками, обрезанием, сбором винограда я уже справлюсь. Но делать вино – для меня пока нереально. Поэтому Мариус и согласен заниматься только вином.

– Хорошо. Делайте с Мариусом, как считаете нужным. Я, наверное, на время сбора винограда уеду в Париж. Или к Анне в Англию, пока не решила.

После обеда прибралась во всех комнатах, не знаю, что делать. Не хотелось читать дневник, так как помню, что там должно быть. Походила по веранде и вернулась к себе в комнату, все-таки открыла тетрадку. Пропустила короткие обыденные тель-авивские записи. Думала, что дальше будут страницы с записями моих отношений с Николаем, и не ошиблась.

21.04.11, четверг. Тель-Авив.

Странное знакомство, если это можно так назвать. Обедала в кафе, как всегда на углу Бограшева. Я уже заметила молодого, относительно молодого, мужчину, пунктуально приходящего обедать почти каждый день в одно и то же время. Довольно высокий, не полный, но выглядящий солидно, всегда с кейсом. Заказывает каждый раз одни и те же блюда. Я про себя посмеялась – типичный положительный мужчина. Наверное, и на работе он вот так все делает – аккуратно и однообразно. В своей муниципальной конторе, вероятно. Мужчина и мужчина. Мне-то какое дело? Но, возможно, он заметил мои взгляды, однажды встал, не доев второе блюдо, подошел ко мне:

– Извините, не вспомнил вас. Вы, наверное, были моей клиенткой?

С чего это он? Или это способ клеиться у него? Не похоже, вроде человек солидный. Сказал на иврите, хорошем иврите, но я сразу поняла, что он русскоязычный. Ответила по-русски:

– Нет, не была клиенткой. Извините, а вы кто по профессии?

– Я – адвокат, еще раз извините.

И пошел доедать свой обед. Назвать это знакомством было бы странно, но, уходя, мы почти столкнулись в дверях, вернее, он шел впереди и на мгновение остановился. А я шла за ним, думая о чем-то о своем, и почти наткнулась на него. Теперь извинилась я. А он предста-

вился: «Николай Кравцов», – и чуть наклонил голову. Пришлось и мне назвать имя и фамилию. Вышли из кафе и разошлись: он в сторону Бен Егуда, я – к своему ателье.

13.08.18. Лимере.

Странно, что я тогда записала это «почти знакомство».

Наверное, не зря несколько раз смотрела в его сторону. Или смутила его спокойная уверенность в себе, так непривычная в Израиле, где все спешат, торопятся что-то сказать, жестикулируют. Впрочем, он ведь из России, но, вероятно, давно, так как и вторую фразу говорил на иврите. Так я решила тогда и почти сразу все забыла.

25.04.11, пятница. Тель-Авив.

Дома, после работы, проверила звонки и почту в компе.

Нет, ничего от Игоря нет. Сама рассмеялась, проверяла, как мамаша, ждущая сообщения от сыночка-студента. И тут же вспомнила свою маму. Ведь она, наверное, так же смотрит каждый день – нет ли от меня весточки. Сморщилась от досады на себя, позвонила. Мама сразу же взяла телефон:

– Лиза, ты?

Как она догадалась, что я звоню?

– Да, мама, я.

И начался бестолковый разговор непонятно о чем. Но в какой-то момент у меня непроизвольно вырвалось:

– Мама, приезжай летом во Францию. Ты ведь никогда не была у меня там.

Она даже на несколько секунд замолчала:

– Я тебе не помешаю?

– Как ты можешь помешать? Познакомишься с внуком. Я тебе билеты закажу.

Это даже не стоило говорить. Я несколько раз предлагала вернуть те десять тысяч, которые она дала мне когда-то, но она отказывалась. Говорила, что муж ее обеспечил. В Израиль приезжала ко мне только раз, когда отчим умер, наверное, ей было тогда тяжело оставаться одной. Боюсь, что и теперь не поехала бы, но увидеть внука – это большой соблазн, ведь она его видела только на фотографиях.

– Билет мне не нужен, сама закажу, но ты меня встречай. Лететь нужно через Париж?

– Да, я тебя встречу в Париже. Созвонимся в июне, договоримся о датах.

Я периодически звонила маме, но разговор всегда однотипный. «Как здоровье, как работа?» – если спрашивает она. «Как у тебя здоровье, что нового?» – если спрашиваю я. Несложные ответы. Вот почти и все. Иногда я спрашивала, как вот сейчас, вернуть ли ей деньги, но она каждый раз отвечала, что с деньгами у нее все в порядке. Никогда я не заносила в дневник наши разговоры.

Глава 7

14.08.18. Лимере.

После завтрака прибрала комнаты второго этажа за десять минут. Что тут прибирать после двоих взрослых? Позвонила Анне, договорились поехать через неделю на Рейн и Мозель, смотреть замки, наслаждаться тишиной и гостеприимством маленьких городков. Прошлась по двору, просто так, ведь во дворе я ничего не делаю. И что дальше? Пошла к себе, раскрыла дневник. Понимаю, что что-то мешает мне читать. Рассердилась на себя, открыла в том самом месте, где остановилась вчера. Кстати, разрыв во времени между записями оказался большим.

08.05.11, воскресенье. Тель-Авив.

Совсем неожиданно для меня продолжилось «странное» знакомство с адвокатом. Два раза мы встречались случайно в кафе. Но не заговаривали. Только однажды он поздоровался со мной издалека, я ответила. А в пятницу оказались за соседними столами. Я пришла раньше, уже заказала себе, когда он явился. Адвокат, к тому времени я забыла, как его звать, вошел позже меня, поискал глазами свободный стол и приземлился за соседним, но лицом ко мне. Пришлось поздороваться. Он взглянул на меня, поздоровался и попросил разрешения пересестись за мой стол. С чего бы это мне быть против? Неловкая пауза, он, наверное, посчитал это неудобным:

– Позвольте еще раз представиться. Николай Кравцов, адвокат, живу и работаю здесь неподалеку.

На этот раз по-русски. Вспомнил, как я к нему обращалась.

– Елизавета Дюкре.

– Вы француженка? Странно, русский у вас совсем чистый, не то, что у меня.

– Вообще-то я русская, то есть из России, но вышла замуж во Франции, поэтому фамилия такая.

– А теперь у нас, в Израиле. Надолго?

Рассмеялась:

– Да, задержалась, с двухтысячного.

– Понятно, а я почти родился здесь. Родители репатриировались в семьдесят седьмом, я еще грудным был.

Значит, ему примерно тридцать четыре. Чуть младше меня. Впрочем, не все ли равно?

Принесли заказанное мной, а он только еще заказывает. Неторопливо, и в меню так и не посмотрел. Ну да, всегда заказывает одно и то же. Я закончила обедать раньше него. Попросилась, вышла на Бограшева и пошла к себе собираться домой. Краем глаза увидела через стекло, что он провожает меня взглядом.

Но сегодня его в кафе не было. К чему бы я это отметила? Совсем он мне неинтересен.

14.08.18. Лимере.

Понятно, почему он тогда не спросил, замужем ли я. Женщина в пятницу, перед уходом с работы, обедает в кафе – значит ей некого кормить дома. И не может муж быть в командировке – все равно по привычке пошла бы домой. Это Николай позднее мне объяснил. Адвокат... Они всегда все обдумывают. Не было его всю неделю, я даже забыла было о нашем знакомстве, но оно имело дальнейшее продолжение.

15.05.11, воскресенье. Тель-Авив.

Был тяжелый день, но, немного отдохнув дома, решила записать сегодняшние впечатления. Началось в обед. Николай пришел в кафе почти одновременно со мной – чуть позже. Не спросил разрешение, сел за мой стол, поставил рядом свой кейс, но потом поправился, извинился. Пока ждали заказанное, обменялись любезностями. Он как-то перевел разговор на детей, и я, естественно, разговорилась. О Пьере могу говорить до бесконечности. Он только поддакивал, сказал только, что так и не удосужился жениться, соответственно и детьми не обзавелся. Потом принесли наши блюда и разговор оборвался. Но вышли из кафе мы вместе, Николай проводил меня до ателье.

14.08.18. Лимере.

Зачем он провожал? Чтобы знать, где я работаю? Так я же сказала, что у меня маленькое ателье здесь рядом. Наверное, была у меня неосознанная мысль о продолжении знакомства. От Игоря не было никаких известий, а я ему больше не звонила.

20.05.11, пятница. Тель-Авив.

К моему удивлению, перед обедом, реально перед закрытием, так как я уже отпустила почти всех домой, осталась только закройщица, – у нее были ко мне вопросы по новому заказу, – в ателье явился Николай. Спокойно спросил, не против ли я прогуляться по городу и пообедать вместе? Спросил, как будто мы давно знакомы. Я пожала плечами, хотела сказать «нет», а выговорила «хорошо». Он подождал, пока я закончила разговор с закройщицей и отпустила ее. Сидел спокойно в кресле наших заказчиков, просматривал Jerusalem Post. Ну да, что еще должен читать солидный адвокат? А потом мы немного прошли по Бограшева, свернули на Шолом Алейхем, там тише, так как движение одностороннее, и вышли на Бен Егуда. Меня несколько нервировало, что на улице жарко, а я иду в том, в чем была на работе. Ругала себя за то, что согласилась гулять в такое неудобное время. И здесь не остановились, перешли на А-Яркон. Вышли к помпезному зданию «Роял Бич». Николай повел через внутренние помещения, оказались в ресторане West Side.

Хорошо хоть, что здесь отличное кондиционирование. Почти сразу почувствовала себя лучше, даже злость на себя, что согласилась обедать вместе, прошла. Прекрасное помещение, пока Николай о чем-то говорил с подошедшим официантом, я подошла к окнам, за которыми виден берег. Захотелось на пляж, купаться. Но сейчас это мечта, хотя завтра вполне можно было бы сходить. Если бы рядом был Игорь, подумалось. Ладно, есть мечты, а есть действительность.

Просидели в ресторане с полчаса, обслуживание великолепное, так как зал почти пустой. И видно, что Николая здесь знают. Наверное, чаевые хорошие дает, съехидничала про себя. Съехидничала, но пыталась поддержать разговор, спросила, почему мы пошли именно в этот ресторан. Оказалось, что он часто водит сюда коллег из США, когда они приезжают. Им здесь всегда нравится. Больше ничего не запомнила из нашего разговора. Да и зачем запоминать и записывать?

Домой уехала на такси, хотя Николай, узнавший уже, что я живу недалеко от ателье, предлагал снова пройти пешком. Понятно, ему это полезно при его сидячем образе жизни. Но мне-то зачем?

14.08.18. Лимере.

Да, жестко я отнеслась тогда к Николаю, как будто предчувствовала наши будущие отношения. Ведь ясно, мужчина ведет даму в приличный ресторан, чтобы не ударить лицом в грязь. Зачем? И зачем ему, преуспевающему адвокату, женщина несколько старше его? Думаю, именно это мешало мне, отталкивало от Николая и в дальнейшем.

26.05.11, четверг. Тель-Авив.

Звонок Николая был для меня совершенно неожиданным.

Вообще никаких звонков сегодня не ждала. С мамой я недавно говорила. Игорь не позвонит – гуляет где-то с очередной избранницей. Может быть, я слишком плохо думаю о нем, может, он нашел любовь на всю жизнь? Но не хочется верить в это. Что, я надеюсь на его возвращение? Зачем? Ведь наше расставание было неизбежно с самого начала. Неизбежно!

И нечего об Игоре думать, травить душу. Но о Николае я почти забыла. И тут он звонит, предлагает пойти сегодня в театр. Ну кто приглашает так в театр? Может быть, и пошла бы, но для этого нужно зайти в соседний салон, привести голову в порядок. Молчала, а он снова, таким любезным голосом, как будто прочитал мои мысли:

– Извините, Елизавета, за неожиданность приглашения. Но я только сегодня утром прилетел, а завтра ничего интересного нет в театральные объявлениях.

Может быть, он действительно прочитал мои мысли? Они, адвокаты, слишком хорошо разбираются в людях. И опять, как в прошлый раз, вместо «нет», сказала: «Не знаю, несколько неожиданно, да и не одета я надлежащим образом». Типичный случай, подтверждающий афоризм Мюссе: «Если женщина хочет отказать, она говорит «нет». Если женщина пускается в объяснения, она хочет, чтобы ее убедили».

Сказала и думаю: «Какая я дура, ведь он начнет сейчас давить. Нужно было жестко отрезать». И тут же мыслишка: «А зачем отрезать? Что, сидеть одной дома? И в салон успею, и переоденусь, если сейчас же займусь этим». А Николай опять спокойно проговорил, что раз я хозяйка, могу уйти в любое время из своего ателье. И ведь прав.

– Хорошо, Николай, но куда вы собираетесь меня пригласить. И что там дают?

Объяснил, сказал, что заедет за мной и спросил адрес. Всегда мы поддаемся уверенному мужчине – продиктовала адрес.

В Габиме пришлось смотреть спектакль, который я видела уже дважды. Сидела, мучилась, делала вид, что мне интересно. Для чего? Надоело одной возвращаться домой? Может быть, продать наконец ателье, распрощаться с Израилем и вернуться во Францию? Но ведь и туда я привезу свое одиночество. И куда, в Лимере или в Париж? Или мотаться между ними? Наверное, в Париж. Пьер пойдет скоро в университет, будет жить в Париже. Летом будем выезжать в Лимере. И что делать в Париже? Открыть новый бизнес там я не смогу.

Куда мне соревноваться с парижскими домами моды! Просто прозябать в квартире, ждать, придет ли ночевать Пьер. Ведь у него будет своя жизнь, я ему и сейчас нужна только для финансирования. Впрочем, и для этого не нужна, Франсуа его обеспечил всем, тем более что ему скоро не нужна будет моя почти фиктивная опека.

Кончился спектакль, Николай отвез меня домой, прощается, даже не намекнул на чашку кофе, а я, из чувства противоречия, которое нарастало весь вечер, не соизволила сделать шаг навстречу. Вот еще. Буду я инициатором совместной постели... Но распрощалась вежливо. А он еще сказал, что, к сожалению, в воскресенье вылетает опять в США. К чему это? Намек, что ему было неинтересно со мной? Ну и ладно, не больно-то нужно.

14.08.18. Лимере.

Сейчас я понимаю, что не было подобных мыслей у него, действительно был по горло в делах. Но даже если бы знала, не изменила бы, наверное, своего мнения. Вот интересно, почему я не писала в дневнике о наших с ним недолгих отношениях? Не нашла ни одной записи в конце мая и первой половине июня. Ведь еще через неделю мы все-таки оказались с ним в постели. И он целую неделю никуда не улетал, встречал меня после работы, мы куда-нибудь шли или ехали, как нам заблагорассудится, ужинать. Потом ехали ко мне. А утром он уходил пешком в свой офис, он был где-то рядом. Нужно признаться, что и как мужчина он был неплох, грех жаловаться, но каждый раз, когда он уходил, у меня оставалось чувство недоумения – зачем это мне, нам?

16.06.11, четверг. Тель-Авив.

Предложение о покупке моего ателье стало для меня большой неожиданностью. Можно даже сказать – приятной неожиданностью. Почему мой покупатель рассорился со своей прежней хозяйкой и решил создать собственный бизнес, не интересовалась. Главное, он торопился, отдавал сразу семьдесят процентов стоимости, о которой мы договорились. Остальное оплатил отложенными чеками. Правда, я не слишком подняла цену, продала почти за ту же сумму, за которую покупала. А ведь шекель за это время упал весьма солидно. Но главное для меня в тот момент было освободиться от ателье. Мне понравилось, что новый хозяин сразу же объявил в ателье, что никаких изменений вводить не будет, разработку эскизов оставляет за собой.

14.08.18. Лимере.

Как только он вручил мне чек на первый взнос, я сразу передала ему список моих постоянных клиенток. У него тоже были постоянные заказчицы. Надеюсь, у него и моих бывших работниц проблем не будет. Впрочем, это уже не моя забота. Меня удивило, что и о моих последних разговорах с Николаем никаких записей в дневнике не осталось. Но я же помню все: как сказала, что возвращаюсь во Францию, вряд ли буду приезжать в Израиль. Николай пытался что-то говорить о дружбе на расстоянии, о том, что у него и во Франции могут быть дела. Не поняла, о чем он, или не захотела понимать. Все это уже отрезано, ничего о нем больше не знаю. Отправила в Париж некоторые вещи, старательно упаковала вместе с ними все материалы Игоря: этюды, карандашные рисунки, варианты эскизов, не пошедшие в дело. Может быть, он разберется когда-нибудь в них. Наверное, втайне думала, что Игорь вернется ко мне. Квартиру сдала хозяину, он очень сожалел, что теряет такую аккуратную съемщицу. Что ж, это последнее, что связывало меня с Тель-Авивом.

03.09.18. Париж.

В Германию поехала из Парижа, где провела в одиночестве два дня. Нагулялись с Анной по Германии досыта. Встретились в Кёльне, потратили двое суток на его достопримечательности и исследование немецких ресторанов и кафе. Анна на второй день умудрилась познакомиться с не слишком старым американцем, поводила его по Кёльну, провела с ним сутки. Мне даже пришлось снять другой номер на это время, чтобы не мешать им. Я пыталась ехидничать, когда американец отбыл в Италию, спрашивала, что ж она не уехала вместе с ним? Анна сумрачно ответила:

– Лиза, не трави мне душу. Ты ведь не знаешь, что такое работать в колледже и жить рядом, когда соседи и их жены работают там же. Попробуй завести легкий флирт или временные отношения с кем-нибудь, пойдут пересуды, можешь вылететь из колледжа. А на серьезные отношения никто там не годится. Это тебе легко: захотела – завела шашни с молоденьким солдатом. Захотела – воспитываешь молодого художника. И взрослый сын есть, и внуки будут, будет чем заняться на старости лет. А что ждет меня? Так хоть сейчас взять от жизни все, что можно.

Возможно, она права – права о себе. Но обо мне ошибается. Игорь – это далекое прошлое. И я совсем не знаю, что ждет меня впереди. Но ничего хорошего не предвижу.

После Кёльна проехали по берегу Рейна. Посетили кучу славных городишек, побывали в добротном старинном замке, который, согласно местной легенде, никто не смог захватить силой, вернулись к Кобленцу и свернули на берега Мозеля. Честно говоря, все эти городишки, замки, придорожные кафе и маленькие отели спутались у меня в голове. Помню только замок Турант с его торчащими над обрывом башнями и городишко Кохем, где мы с Анной надрались до положения риз. Приехали в городишко поздно, заселились в отель, никуда не захотелось идти, хотя хозяйка настоятельно советовала посмотреть замок, он вроде очень красив, великолепно реставрирован и является достопримечательностью всего этого края. Вместо замка зашли поужинать в соседний ресторанчик Gaststette Noss и там провели часа два. Сначала никуда не хотелось идти, а потом, после солидной дозы местного вина, уже и не смогли бы.

А начинали вполне прилично, заказали бутылочку полусухого рислинга. Потом Анна попросила что-нибудь особенное, местное. Сомелье недолго раздумывал, принес какое-то вино в пол-литровой бутылочке. Почтительно назвал его Pradikatswein и добавил что-то еще к названию. Уверял, что исполнено из винограда самого позднего сбора. Взяли бутылочку – сладость невероятная. Никак не сочетается с мясом по-немецки, которое лежит в наших тарелках. Но что делать – выпили по бокалу, закусывая яблоками. Естественно, после этого захотелось еще сухого винца, перебить всю эту сладость. А что потом пили – не помню. Но счет был солидный,

это я утром поняла. С трудом разбиралась в нем, так как голова болела. Аня моя безнадежно заявила:

– Что за мужики эти немцы? Никто так и не воспользовался моей неспособностью сопротивляться. Вот сволочи!

Из отеля выбрались только перед самым обедом. Предварительно торжественно зареклись напиваться по-свински. Двинулись в Люксембург, а после него через Шампань в Париж. В Реймсе задержались на два дня, смотрели собор, раскопки около него, гуляли по ночному центру города. Но в рестораны заходили только поесть – и никакой выпивки.

04.09.18. Париж.

Анна вернулась к себе в Англию. Осталась в своей парижской квартире опять одна. Возвращаться в Лимере нет смысла. Там не до меня – начинается сбор винограда, у Пьера полно забот. Хорошая мама должна бы помочь, хотя бы кормить своего работающего сына, но я после Германии в каком-то странном оцепенении. Ничего не хочется делать. Нашла свои записи, оказывается, взяла их с собой в Париж, листаю, вспоминаю.

14.07.11, четверг. Париж.

Я в Париже уже три дня, привела за это время квартиру в порядок, в результате она выглядит нежилой. Ведь неудобно перед мамой. Она всегда была такая чистюля. Пыталась и меня приучить к порядку. Но это получалось у нее плохо. Встретила сегодня утром маму, о дате и рейсе договорились еще в июне, привезла к себе. Она внимательно осмотрела «профессорскую» квартиру. Одобрила, сказала, что не сравнить с моей тель-авивской. Особенно ей понравился полный, как она сказала, порядок в квартире. Мне осталось только улыбаться ей и соглашаться. Накормила обедом, который отнюдь не удостоился ее похвалы, и предложила прогулку по Парижу.

Помню, когда я еще жила у мамы с отчимом, мама неоднократно повторяла: «Увидеть Париж и умереть». Ну ладно, при жизни отчима, вообще-то прижимистого, вкладывавшего деньги только в свой никак не разраставшийся бизнес, она никуда не ездила из России. Но потом, когда после его смерти и продажи бизнеса у нее появились деньги, почему она никуда не выезжала из Петербурга? Только один раз прилетела ко мне в Тель-Авив. Наверное, в этом виновата я. Теперь составила программу изучения Парижа на четыре дня, после которых повезу домой на Луару знакомить с шестнадцатилетним внуком, если тот не удерет из Лимере.

20.07.11, среда. Лимере.

Праздник в Париже удался, по крайней мере, мама была довольна. Ведь я водила и возила ее по местам, которые так нравились мне в 1993 году, когда я знакомилась с Парижем. Пусть это стандартные туристические места, пусть их знают во всем мире и все о них рассказано тысячу раз. Но мама-то видела их впервые. Вчера мы приехали на поезде в Тур, нас встретили Мариус и Пьер, не убежал из Лимере, дождался бабушку. Двадцать минут на машине – и мы дома.

Я уехала из Лимере меньше года тому назад, но такое ощущение, что не была здесь вечность. На все гляжу другими глазами. Возможно, это потому, что рядом со мной нет Игоря. Закончилась светлая полоса в моей жизни, теперь нужно строить ее почти заново.

14.08.18. Лимере.

Теперь смотрю на 2011 год совсем по-другому. Почему я так переживала? Ведь мне не было и сорока лет, если бы захотела по-настоящему, не так уж трудно было тогда создать семью. Да хотя бы с Николаем. Спокойный, уверенный в себе мужчина, отличное финансовое положение. Квартира у него прекрасная; была у него, посмотрела, правда ни разу там не ночевала. Не сравнить с моей съемной ни по какому параметру. Не понравился мне только уж слишком боль-

шой порядок в квартире – сразу видно, хозяин педантичен, слишком заорганизован. Наверное, все адвокаты такие. Он, наверняка, захотел бы иметь ребенка, родила бы ему. Почему ему? Нам бы. Ведь Пьеру было уже шестнадцать лет, совсем большой. Да и помимо Николая мужчин много. Что же мешало? Наверное, не верила сама себе, что с Игорем мы расстались окончательно. На что-то надеялась втайне.

02.08.11, вторник. Лимере.

Мама еще была в Лимере, когда приехала Анна. Что ж, места в доме много. Открыла еще одну комнату. Правда, пришлось проветривать – долго в нее никто не заглядывал. В присутствии мамы Анна вела себя, как пай-мальчик, нужно бы написать пай-девочка, но не знаю, есть ли такое слово. Выпивала вечером за столом символически, только пробуя вино нашей винодельни. В разговоре не употребляла бранных слов, оказывается, умеет и так говорить. Внимательно выслушивала маму, когда та рассказывала обо мне маленькой, о жизни с отцом. Некоторые вещи я слышала в первый раз, никогда она мне это не рассказывала. Ведь отец умер – погиб из-за аварии на стройке – когда мне было пять лет. А мама вышла второй раз замуж ровно через год. Они с отчимом были давно знакомы, он был другом отца. И мама рассказывала теперь, как они познакомились с отцом в стройотряде, как прятали свою любовь от родителей. Да многое что рассказывала. Я впервые узнала, что родилась на шестом месяце после свадьбы.

Родители поэтому не смогли больше противиться. Возможно, Анна поэтому и слушала так внимательно, ведь ничего этого от меня не могла узнать.

06.08.11, суббота. Лимере.

Проводили вчера маму, то есть мы с Анной сопровождали ее в Париж, посадили на самолет. Поздно пообедали в ресторане, немного выпили. В Лимере вернулись почти ночью. А сегодня чуть не поругалась с Анкой. Эта дура после обеда вдруг спрашивает меня:

– Лиза, можно, я попробую очаровать твоего Пьера?

– Ты что, наркоты нанюхалась? Еще чего? Не смей трогать мальчишку!

– Что ты сразу взъелась? Он уже не мальчишка. Я видела, как он на мой бюст уставился. И в плавках его видела. Это для тебя он маленький. И вообще, лучше бы он с опытной женщиной, подругой матери все узнал, чем с гулящей девкой.

– Аня, тронешь его – вылетишь отсюда к чертовой матери! И никогда с тобой не буду иметь ничего общего.

– Да ладно тебе, не собиралась я твое золотце трогать. Так просто, пошутила.

Сердилась на нее до вечера, но потом мы помирились. И как понял, что о нем разговор был, пришел ко мне в спальню Пьер:

– Мама, я честно высидел здесь, пока бабушка была у нас. Можно я уеду в Париж?

– Хорошо, я же обещала.

– Я позвал в Париж троих моих друзей. Денег у них у всех мало, можно они поживут в нашей квартире?

Он так и сказал: «В нашей». Действительно, хоть и записана на мне, но это наша с ним квартира.

– Хорошо, Пьер. Только следи, чтобы соседи потом не жаловались. Не шумите, не устраивайте там пьянку.

– Мама, все будет прилично, не волнуйся.

Он ушел, а я подумала: «Действительно, он уже совсем большой. Нечего ему со старушками сидеть в глуши».

Глава 8

05.09.18. Париж.

Скука. Это туристам кажется, что в Париже жизнь бьет ключом. Да, театры начинают готовиться к осеннему сезону. Но только начинают. Проходят первые спектакли, но публики мало. Я это знаю по прошлой своей парижской жизни. И откуда публике взяться? В школах, лицеях и колледжах начинается учеба. Родители заняты детьми. Приезжие вернулись в свои страны. Это у меня Пьер уже окончил учебу. Настоящая театральная жизнь начнется в октябре, да и то, только начнется, в ожидании ноябрьских полных сборов в театрах.

Полезла в сеть, посмотрела, какие постановки идут в театрах, не нашла ничего интересного. Переделалась, вышла на улицу. Наша квартира расположена в VII округе, на тихой улице Валадон, в полусотне метров от улицы Гренель. Место удобное: метро недалеко и во дворе есть стоянка для автомобилей. Звуки с улицы Гренель доносятся, но приглушенно. Вышла на Гренель, прошла квартал в сторону бульвара Тур Мобур, это полсотни метров, остановилась на углу улицы Кле. Вот сюда я убегала в конце 1999 года на свидание с Родриго, когда Франсуа отправлялся на лекции. Родриго ждал обычно за углом, на улице Кле. И потом мы либо уходили в кафе Le Petit Cler, на противоположной стороне этой же улицы, либо уезжали к Родриго, если у меня было много времени. Как давно это было, какая я была глупая. И не только потому, что предпочла недалекого франта доброму мужчине, солидному ученому. Потому, что, убедившись в никчемности Родриго, его изменах, призналась мужу в совершенном. Поставила его в глупое положение. Ведь ему почти сразу рассказал о наших встречах с Родриго один из приятелей Франсуа, живущий в соседнем доме и регулярно посещающий это же кафе. Франсуа легко мог бы убедиться в моей измене, но он предпочел сделать вид, что ни о чем не знает, надеялся, что мое увлечение пройдет.

И только после моего признания вынужден был мягко сказать мне, что каждый человек совершает ошибки. Но ради ребенка, ради нашего Пьера, стоит прекратить это, как он назвал тогда «заблуждение». А я встала на дыбы, сказала, что не могу так. Отказалась от всего и через два месяца уехала в Израиль.

Теперь я только пожала плечами. Ведь если бы я не уехала тогда, не встретила бы Игоря, не было бы у меня тех прекрасных дней, которые мы провели вместе. Прошла дальше по Гренель, дошла до сквера перед Домом Инвалидов. Хотела вернуться к станции метро «Латур Мобур», но передумала и отправилась домой. Но дома тоже нечего делать. Открыла дневник, теперь это мое постоянное прибежище.

16.08.11, четверг. Лимере.

Уехала вчера вечером Анна, осталась я в Лимере одна.

Даже Мариус стал реже заходить, ведь скоро сбор винограда, у него очень много забот. После обеда открыла дневник, думаю, что записать. Писать нечего. Такое впечатление, что и дальше мне нечего будет писать. Зря затеяла этот дневник, думала о нем, как о хранилище информации о моей жизни.

Нет, книгу воспоминаний не собираюсь писать, просто хочется сохранить для себя все самое интересное. А откуда взять это интересное, если жизнь серая и беспросветная? К тому же начала писать с двухтысячного года. А где мои ранние впечатления? Ведь что-то было со мной интересное в Питере, да и во Франции не все было мрачно, радовалась несколько лет свободе. Нет, не свободе отношений с Родриго, будь он неладен.

Сначала радовалась прекращению опеки матери, потом тому, что не нужно думать о деньгах, потом, после рождения Пьера, радость материнства. Но как это записать? Попробовала

что-то написать на отдельных листках. Строчила о Питере с полчаса. Исписала два листа. Прочитала и порвала – серость и на бумаге остается серостью, хорошо, что не испортила страницы дневника. Кому нужны тогдашние мои переживания, мои мечты быть писательницей? Пора возвращаться в Париж.

05.09.18. Париж.

Отложила в сторону дневник. Мысленно вернулась к временам 1994–1997 годов. Тяжело вспоминать все мои тогдашние метания. А ведь временами казалось, что вот он, тот путь, который приведет меня пусть не к славе, то хоть к внутреннему примирению с самой собой. Сначала это была поэзия. Тогда я несколько раз прочитала все томики Мюссе, хранящиеся в великолепной библиотеке Франсуа. В университете я больше ценила поэзию Бодлера, на Мюссе почти не обращала внимания. Разве что интересовалась его отношениями с Жорж Занд. А здесь меня привлекла его ранняя поэзия. У Франсуа не было первых изданий ранних книг Мюссе, но издания пятидесятых годов XIX века стояли на полке, не говоря уже о современных книгах. И я зачитывалась его «Испанскими любовными песнями», «Испанскими и итальянскими повестями». Была очарована его изумительным французским. Ведь в России читала переводы на русский язык.

Ночами, у постели Пьера, когда он засыпал, писала стихи. Но ни Испании, ни Италии я не знала, писала что-то с туманным намеком на Россию, Ленинград. Тогда он еще оставался для меня Ленинградом. Нет, никому не показывала их. Но однажды прочитала заново и ужаснулась – посчитала слепком со стихов Мюссе, но на корявом французском языке. Тогда я их не порвала, просто засунула в нижний ящик стола.

А потом был период рассказа. Почему-то выбрала сюжет прощания рыцаря с девушкой. Он отправляется в поход с отрядом сеньора и не верит, что вернется живым. Объясняется девушке в любви, но умоляет ее не губить себя, найти счастье с другим. Полная глупость. Но тогда я так не думала. Обдумывала много дней, благо, когда Франсуа уходил на лекции, было много свободного времени. Высокопарные длинные фразы, многократное повторение слова «любовь» в одном абзаце. Мне это казалось красивым. Написала три страницы их диалогов и вдруг поймала себя, что заимствовала идею из стихотворения Мюссе «Песнь Барберины». Не понимала тогда, что не так важен сюжет, как исполнение. Правда, исполнение было ужасным... Рассказ отправился следом за стихами.

С пьесой я провозилась более полугода. Выбрала местом действия Флоренцию XVI века. Естественно, сюжет был связан с семейством Медичи. Главная героиня – Камилла Мартелли была представлена мной благородной юной девушкой, борющейся за свою любовь к пожилому герцогу Козимо I с отвратительной интриганкой Элеонорой дельи Альбицци. Там было замешано все: ужасная смерть Марии Медичи, полюбившей пажа; конфликт Гарсии и Джованни Медичи, закончившийся гибелью обоих; смерть Леноры Толедской, задушенной Пьетро Медичи. Но главным стержнем интриги были попытки Элеоноры дельи Альбицци опорочить Камиллу. Не стеснялась сдвигать события, изменять их в соответствии со своей задумкой. И завершала пьесу заточением герцогом Франческо Медичи Камиллы в монастырь после смерти Козимо.

Меня не смущало, что я брала многое из «Лоренчаччо» Мюссе: обращения персонажей друг к другу, термины. Даже описание одной из смертей скопировала у него. Но написала только первое действие и эпилог. Отвлеклась на продумывание и рисование костюмов героям. Отвлеклась надолго. И постепенно, рисуя все более разнообразные костюмы, охладела к пьесе. Удивительно, но если стихотворения и рассказик я не показала Франсуа, то первое действие решила представить ему. Наверное, хотелось похвастаться эскизами костюмов. Но до этого дело не дошло. Погладив свою бородку, Франсуа тихо заметил мне:

– Ты отражаешь здесь наши отношения? А кто у нас Элеонора дельи Альбицци?

Господи, ничего подобного я не хотела, даже не задумывалась над тем, что разница в возрасте Камиллы и Козимо как раз была равна нашей с Франсуа. Вспыхнула, яростно закрутила головой:

– Что ты! Нет, нет! Это случайное совпадение. Я хотела, чтобы ты посмотрел мой язык пьесы, мой французский.

– Почти нормальный язык, но несколько устаревший. Впрочем, ты ведь описываешь XVI век. Может быть, можно было бы еще больше архаизировать его. Обожди, ты используешь язык Мюссе? Вот это выражение...

Показал мне фразу, которую я, точно, слямзила из «Лоренцаччо». Не удивительно, ведь мой Франсуа серьезный специалист по французской литературе XIX века. И я скисла после этого. Даже перестала рисовать эскизы. Правда, один из нарядов заказала, добилась, что его исполнили точно в соответствии с моим эскизом и покрутилась в нем перед Франсуа. Он посмеялся очень добродушно, хвалил меня.

Почему-то в дневнике опять большой разрыв.

16.01.12, понедельник. Париж.

Когда мне в Париже безрадостно, я вспоминаю зиму 1993/1994 года. Ту зиму я провела вместе с Франсуа, сначала только в походах по театрам, концертным залам, ресторанам, а потом, с февраля, мы стали жить вместе. Я и теперь на зиму уехала в Париж. Что мне делать зимой в Лимере? Хоть иногда приезжает на уик-энд Пьер. А на каникулы я всегда стараюсь заполучить его к себе, любыми способами. В конце октября он заскочил в Париж только за деньгами и уехал с друзьями в Германию. Но все рождественские каникулы Пьер провел в Париже.

Кончились каникулы, Пьер и его друзья уехали в лицей, теперь они выпускники, летом завершат обучение. Нужно будет решать – куда идти учиться. Вернее, мы с ним уже решили, что поступать будет в Парижский университет. Но пока он колеблется, на какой факультет, какую специальность выбрать. А я не хочу на него давить. Все, что учила в университете, мне так и не пригодилось. Правда, я его так и не окончила.

На каникулах у меня было полно забот, ведь он привез с собой трех друзей: приятеля и двух девочек. Я сначала хотела не согласиться, рано им еще с девочками дружить, школьники еще. Но Пьер с честными глазами уверял меня, что они ни о чем «таким» не думают. Просто дружат в лицее. Пришлось согласиться. Девочек я разместила в бывшей спальне Франсуа. Пьер получил свою детскую комнату, а его приятеля – Сержа – устроила на диване в кабинете Франсуа.

Может быть, я напрасно поверила Пьеру, так как однажды заметила утром Сержа, осторожно выходящего из комнаты девочек. Была ли вторая девочка в комнате Пьера – не знаю. Главное – не хочу знать. Для меня даже в последнем классе школы мальчики были жителями другой планеты, с которыми можно, конечно, танцевать на праздничных вечерах в школе, решать им во время танца тесно прижиматься, но не более. Мы продукт совсем другой эпохи, вернее, дети сейчас совсем другие. А ведь прошло всего лишь чуть более двадцати лет. Может быть, если бы у меня был не сын, а дочь, я реагировала бы по-другому? Не знаю.

Но что мне теперь делать в моем одиночестве?

09.03.12, пятница. Париж.

Март не предвещал мне ничего хорошего. В феврале хоть заскакивал на два дня Пьер. Отчитаться перед матерью и получить деньги. Поцеловал меня на прощанье и улетел. Действительно улетел – в Швейцарию, кататься с друзьями на лыжах. Теперь я его увижу на Пасху. И тоже заедет только за деньгами. Что поделаешь – у него свои увлечения, своя жизнь. Пойдет в

университет – вообще незачем ему будет являться к матери. Ведь счет будет в его распоряжении. Вчера в одиночестве провела 8 Марта. По старой привычке хотелось, чтобы поздравил с женским днем хоть кто-нибудь. Дождалась только звонка от Анны. В боевом настроении, сказала, что в феврале провела в горах неделю в одном из замков. Провела отлично! Все понятно, был новый приятель. Жаль только, что ни один из этих приятелей не может удержать ее. А ведь Анне уже тридцать шесть лет. Пора бы остепениться. А мне – пора? Или уже поздно?

Да, март не предвещал ничего. Но сегодня телефонный звонок прозвенел после обеда. Подняла телефон. Равнодушно сказала: «Да, слушаю». И в ответ услышала русскую речь:

– Лиза? С праздником тебя прошедшим! Извини, что вчера не поздравил.

У меня чуть телефон не выпал из рук. Лизой меня мог назвать только Игорь. Переждала несколько секунд, чтобы прийти в себя:

– Это ты, Игорь? Спасибо. Откуда звонишь?

Сказала вроде спокойно. Такое впечатление, что мы разговаривали вчера, или хотя бы неделю назад. А я уже и не помню, когда в последний раз слышала голос Игоря. Нет, вру. Конечно, помню! Это было в конце марта, почти год назад. Тогда он извинялся, что встретил девушку и все такое... А я молча выслушала и что-то пожелала ему. Кажется, не забывать, что он художник.

– Я еду в Вену. Там с 12 марта намечается большая выставка-продажа картин молодых художников, берут три моих работы.

– Я рада за тебя, поздравляю. Наверное, прилечу посмотреть выставку. Где ты остановишься, в каком отеле?

Говорю спокойно, но слово «молодых» звучит для меня очень неприятно, как напоминание о моем возрасте.

– Нет, не в отеле. Возможно, нас разместят в студенческом городке, если повезет.

– Хорошо, я позвоню.

И закрыла телефон. А сама думаю: «Что это я навязываюсь?» Он же наверняка с какой-то женщиной будет. Молодых художников всегда кто-то опекает. К сожалению, в данном случае не я. Но все равно, делать мне в Париже нечего, хоть развлекусь, посмотрю на современных художников и их творения. Нужно только решить, в чем поеду, и привести голову в порядок.

14.03.12, среда. Вена.

Вчера прилетела, устроилась в отеле и вечером уже на выставке. Три больших зала увешены полотнами, искала и нашла картины Игоря. Он и сам стоит рядом, дает объяснения двум дамам. Я подошла к ним сбоку, Игорь не сразу заметил меня. Что-то увлеченно объясняет старшей даме, время от времени показывая на одну из своих трех картин.

Я тоже посмотрела на картины. Два небольших пейзажа в очень приличных рамах: на одном – лениво текущая Луара в лучах заходящего солнца, на другом хмурые волны Канала с недалекими островками. Это понятно, он еще в Тель-Авиве много работал над пейзажами с водой, но не очень успешно. Я не стала разглядывать их, так как между ними висела картина с женщиной на пляже у чуть волнующегося моря. И это была я. Это я тогда бросила на солдатиков мимолетный взгляд, распрямив плечи и гордо выставив на всеобщее обозрение бюст. Это моя чуть небрежная прическа, кажется (не помню точно), мой довольно откровенный купальник.

Только теперь Игорь заметил меня, прервал объяснения и поспешил представить дамам. Обращаясь к той, что значительно старше:

– Мой давний друг, Элизабет Дюкре.

Повернулся ко мне, представляет дам:

– Мадам Герстенмайер и ее племянница мисс Ева.

Все обменялись словами «очень приятно». Мадам Герстенмайер кинула на меня только один взгляд и, вероятно, продолжила разговор:

– Скажите, маэстро, сколько стоит этот портрет. Я хотела бы купить его.

– Могу упомянуть только первоначальную цену, экспертная комиссия назначила триста евро за каждую из этих моих картин. А что покажет аукцион – не знаю. Может быть, будет больше, а если никому не понравятся, цены по правилам аукциона будут немного снижать.

– Я обязательно куплю ее. Мне очень нравится, как вы подчеркнули некоторую ленивость волн. Они очень живые.

Вот сволочь, волны ей нравятся, а я как бы и не существую! Может быть, она и понимает что-то в живописи, но мой портрет она не получит. Понятно, что мадам, как ее там, не увидела сходства со мной, постарела я, да и одежда несколько не та. Думаю, ей не картина, а художник нравится. Но и Игоря она не получит, дудки. Если ей нравится вода – пусть покупает оба пейзажа. Вместе с рамами.

Но промолчала. Не устраивать же здесь словесный поединок, хотя очень хотелось высказать этой мадам что-нибудь сладко-язвительное. Игорь что-то еще сказал дамам, Ева промолчала, а мадам Герстенмайер попрощалась только с Игорем, как будто меня и нет здесь. Я, в ответ, кивнула только Еве.

– Лиза, я рад тебя видеть. Где ты остановилась?

Назвала отель. Подошла поближе к средней картине:

– Ты все-таки довел тот этюд до полной картины. Помню, на этюде море отсутствовало.

– Ты узнала себя? Да, я не владел тогда цветом и движением воды. К сожалению, не могу подарить тебе эту картину. По-моему, меня взяли на эту выставку только из-за твоего портрета. Две другие картины довольно ординарные.

– Нет, они мне тоже нравятся.

– Тоже? Значит, портрет тебе нравится?

– Разумеется. Правда, ты немного польстил мне. Я тут моложе, чем была тогда, на пляже.

– Нет, нет. Ты всегда молодая!

– Где ты научился льстить? Вернее, кто тебя научил этому?

– Лиза, не подкалывай меня. Ты для меня всегда была и будешь самой красивой женщиной на свете!

Гляжу в его глаза, ищу насмешку или ложь. Не нахожу. Неужели у него остались какие-то чувства ко мне? Промолчала. А он продолжил:

– Я должен здесь, у картин, оставаться еще долго. Но, может быть, мы потом поужинаем вместе?

– Разве ты один здесь?

– Нет, есть один приятель из России, но ты же, наверное, про женщин спрашиваешь? Никого у меня сейчас нет. Ни здесь и нигде. Так я приглашаю.

Рассмеялась:

– Ты такой самоуверенный стал... А может быть, я здесь не одна.

И гляжу в его улыбающиеся глаза. Как я по нему соскучилась... Плевать на всех женщин, которые были с ним за последний год. Я тоже не святая была. Продолжила:

– Хорошо, поужинаем, но приглашаю я.

– Лиза, не обижай, на ужин у меня денег хватит.

Гляжу на моего двадцати четырех-двадцати пятилетнего друга – как был мальчишкой, так и остался:

– Это мое условие. Пойду, посмотрю выставку.

И развернулась. Отошла в соседний зал.

05.09.18. Париж.

Помню венскую встречу отлично. Тогда я позвонила мэтру Вилару, объяснила ему, что хочу купить такую вот картину художника такого-то, но хочу сделать это анонимно. Просила найти арт-дилера в Вене. Он подумал немного, сказал, что перезвонит. Я прошла по залам уже два раза, когда Вилар позвонил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.